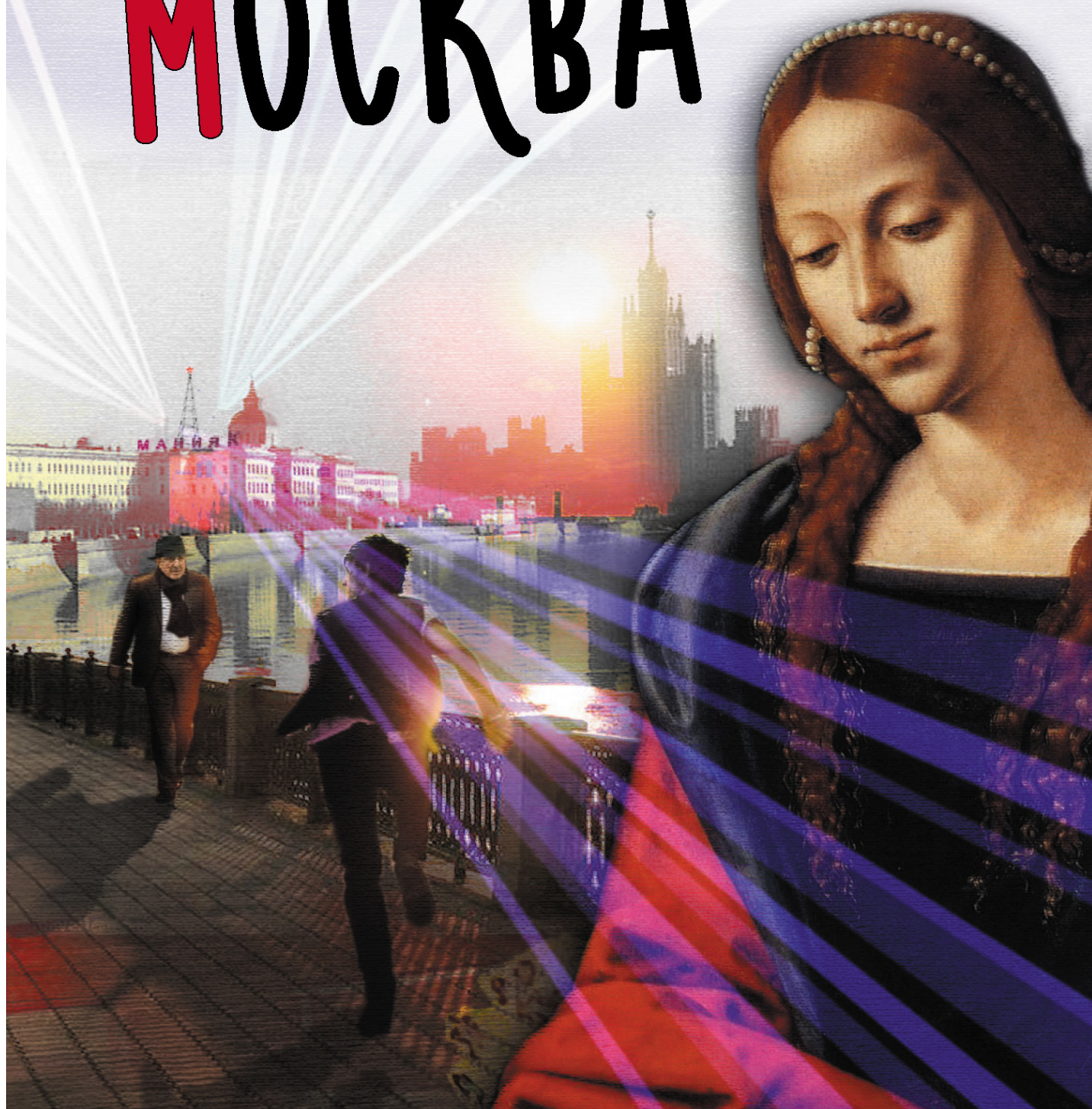

Александр КОНДРАШОВ

ГОВОРИТ МОСКВА

Александр Кондрашов

Говорит Москва

«У Никитских ворот»

2016

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Кондрашов А. И.

Говорит Москва / А. И. Кондрашов — «У Никитских ворот»,
2016

ISBN 978-5-00095-146-0

«Говорит Москва!» – так начинало когда-то вещание советское радио, но роман не только и не столько о радио. Молодому радиожурналисту дали задание «разговорить Москву»: найти для нового проекта недовольного жизнью простого горожанина, который должен откликаться на любые события из новостной ленты. Задание казалось невыполнимым, однако всё же было выполнено – Москва заговорила. В романе столица говорит в прямом смысле слова: её улицы, площади, предместья, реки и, конечно, люди. От гастарбайтеров до артистов, от бывших комсомольских работников до нынешних магнатов. Произведение многослойное и многожанровое: это и лирическая комедия, и фарс, и поколенческая драма, но главное всё же в романе – любовь. Когда-то Фазиль Искандер написал об Александре Кондрашове слова, которые актуальны и сейчас: «Александр Кондрашов чувствует вкус слова. Точен, сжат, весел. Его абсурд, к счастью, не вызывает ужаса. Он слишком здоровый человек для этого. Стихия площадного, народного юмора свободно плещется в его рассказах... Это и сегодняшний день, и это вечный народный юмор, и некое русское раблезианство. Юмор – вообще достаточно редкое свойство писателя, а добрый юмор Кондрашова ещё более редок...»

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00095-146-0

© Кондрашов А. И., 2016

© У Никитских ворот, 2016

Содержание

Часть первая	7
1. Семь лет назад	7
2. Педиатр	9
3. Особый случай	12
4. Левый берег	15
5. Добровольцы-комсомольцы	26
6. Гольдентруш	29
7. Апофеоз	34
8. Березовский	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Иванович Кондрашов

Говорит Москва

И сколько раз, уже наведенные нисходившим с небес смыслом, они и тут умели отшатнуться и сбиться в сторону, умели среди бела дня попасть вновь в непроходимые захоластья, умели напустить вновь слепой туман друг другу в очи и, влачась вслед за болотными огнями, умели-таки добраться до пропасти, чтобы потом с ужасом спросить друг друга: «Где выход, где дорога?»

Николай Гоголь

© Кондрашов А.И., 2016

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2016

* * *

Часть первая Лондон

1. Семь лет назад Спусковой крючок

– ...Где Гагарин? Мне нужен Га-га-рин! Мне нужен – народ, совок, русак, таджик, молдаванин, гастарбайтер, лузер, герой труда! Кузьминки и Бирю-лёво-Товарная, а не «Твербуль» и «Эль Гаучо»! – генеральный директор радиостанции, начинавший летучку нежным, бархатным баритоном, вдруг сорвался на крик.

– Я взыскую тех, кто живёт и работает в этом, мать его, великом городе! Я должен знать, чем они дышат! Здесь должен быть их дух! Мне нужны их пропитые голоса, а не сладкоголосые петрофановы и позманы... Я разгоню вас всех к чёртовой матери, если вы мне не приведёте в эфир настоящих маньяков совка. Мне нужен в эфире народный хрип, рёв, вой... Где Лобов?

– Рожает, – сказал кто-то, и по кабинету, где сидели все сотрудники, пробежал нервный хохоток.

– Рожает? Всё ещё? – гендир резко сменил темпоритм и вернулся в бархат, но теперь угрожающе ласковый. – Мне кажется, он давно родил. И не он, а Зоя. Почему его нет? Что это: саботаж, измена, заговор?... – он внимательно оглядел присутствующих.

– Кондрат Эдуардович, вы разрешили ему три месяца сидеть с младенцем и приезжать только на эфиры... – извиняющимся, как будто исчезающим шепотком доложил помощник гендир.

– У нас вопрос жизни и смерти, а он отсиживается с младенцем?! – недоумевал бархат. – Он, этот бабник лобненский, отец-одиночка, что ли? Они с Зоей – нищие? Не могут няньку нанять? На повестке дня жесточайшая оптимизация, увольнение каждого десятого без разбора. Непременно передайте Лобову, что я вне себя, – грозно отнёсся гендир к помощнику. – Это значит, что очень скоро он может оказаться вне коллектива! – и вдруг взревел: – Нас на бабу променял?

– У него мальчик, – уточнил помощник и сделал вид, что это сказал не он, а кто-то другой.

– То у него девочки были на уме, а теперь – мальчики?

Далее гендир перешёл на сокровенный, философский шёпот:

– Лобов и все вы каждую минуту, каждую секунду своего существования должны думать об одном... Да, когда вдыхаете смог и выдыхаете перегар, набиваете свой желудок холодными котлетами или тёплой крошкой, нюхаете кокаин, вступаете в беспорядочные половые связи, покупаете тачку, сидите на толчке, спите, рожаете, гуляете с вашим выводком, должны думать об одном! О чём?

– О родине, – тихо пошутил кто-то.

– О рейтинге! – перешёл на визг гендир. – С которым мы – в заднице! В то время как должны надрать её нашим конкурентам. Всем, начиная с уважаемого «Ахарбата»! И потому нам нужен народ. Народ! Передайте Лобову, чтобы он из-под земли достал мне русский народ и привёл его в студию. Мне нужен настоящий совок! Суперсовок! Так и передайте ему!

– Передадим.

– Всё! – мощно завершил летучку гендир. – По коням!

Гагарин или смерть! Пленных не брать! Все свободны!

Потрясённые работники радиостанции выходили из кабинета генерального директора, трепеща и перешёптываясь:

- Концепция поменялась.
- Опять.
- Левый поворот?
- На сто восемьдесят градусов.
- То дайте ему креативный класс, Собчак, Пепперштейна, то – Гагарина, совок и русский народ...
- В Кремле его вчера в угол поставили, вот он и бесится.
- Кондрат Эдуардович правильно говорит, нам нужен простой народ. Мы без него – никуда.
- Заткнись, холуй.
- Я вам этого «заткнись» не забуду.
- Надо на всякий случай работу искать... Опять.
- Мне недавно в пиар-службе управы место предложили. Тёплое.
- Как дерьмо.
- Креативненько.
- У Лобова мобила отключён.
- У него, блин, мозг отключён, нас тут – во все дыры, а у него пастораль на Сетуни, прогуливается с коляской, мамашек молодых, наверное, снимает...
- Зря вы так, у Кости отличный парень, вчера два месяца исполнилось...
- Слава богу, конкретно Лобову поручили совок искать. С него и спрос.
- Да ему далеко ходить не надо, он и сам не далеко ушёл, лимита поганая, выскочка лобненский.
- Впервые шеф так о Косте.
- Он его породил, он его и...
- ...родит обратно.

2. Педиатр

Первый кандидат на роль суперсовка явился за два месяца до задания гендира.

Ранним утром в домофоне прозвучал требовательный мужской голос и назвался районным педиатром. Костя Лобов и Зоя, папа и мама новорождённого младенца, еле успели привести себя в порядок после первой бессонной ночи, а он уж поднялся на лифте и звонил в дверь. Костя открыл и увидел довольно высокого пожилого дядьку со строгим выражением лица, входящим в явное противоречие с его одеянием. Снимать свои разбитые ботинки и надевать тапочки педиатр наотрез отказался, сказав, что у них это не принято, на дому надо иметь бахилы. Они, слава богу, были. Хорошо хоть снял вязаную шапку с помпоном (красно-зелёную, как будто клоунскую, никак не соответствующую всему остальному) и неизвестно изначально какого, а сейчас цвета грязного асфальта демисезонное не по погоде пальто. Прошёл в ванную и вымыл руки. Давно не стриженный, небритый, с бордовым румянцем на щеках. За толстыми стёклами очков большие голубые глаза, под ними ещё большие сизые мешки. Педиатр с ненавистью взглянул на батарею бутылок из-под шампанского в прихожей, оставшуюся со вчерашнего празднования прибытия младенца из роддома (папа ещё не успел её вынести) и приступил к форменному допросу.

– Ребёнок первый?

– Первый, – ответила счастливая мама, гордясь плачущим на руках младенцем.

– Беременность первая?

– Первая.

– Правда? – доктор явно не верил.

– Правда, – недоумевала Зоя.

–Abortов не было? – сурово спросил врач.

– Был, – застеснялась мама, а Костя посмотрел на неё с удивлением. Этого важного факта из биографии жены он не знал. Впрочем, они ещё давно договорились не спрашивать друг друга о прошлом. Каждый что хотел, то и рассказал. Костя ей рассказал всё, Зоя мужу – почти ничего.

– А вы говорите, первая. Э-эх! Нехорошо это, грех, – беспощадно приговорил доктор. – Девочка?

– Мальчик, – ответила Зоя нервно.

– Смотрите, мальчики ко всему легко привыкают: и к хорошему, и к плохому, – сказал он убеждённо, потом, вздохнув, прибавил, – например, к алкоголизму.

– До алкоголизма нам ещё далеко, – попытался отшутиться Костя.

– Не успеете оглянуться, – оборвал его врач, и молодой папа, нахмурившись, вышел.

Зоя растерялась и потому не задала важных вопросов: о недостатке грудного молока, о том, что мальчик что-то много икает, что цвет какашек ей очень не нравится, зеленоватый какой-то, что...

– Давайте документы, – нетерпеливо продолжал педиатр.

Жена бросилась искать бумажки из роддома, нашла, злой дядя, бегло просмотрев, тотчас засунул их во внутренний карман своего несвежего пиджака и сказал, что пришлёт патронажную сестру. Потом осмотрел младенца, который, как только к нему прикоснулся врач, перестал плакать. Доктор приказал следить за пупком, дал номер телефона детской поликлиники, который у молодых родителей и так был. И свой – на всякий случай. Строго сказал напоследок:

– Не вздумайте праздновать круглосуточно, а то знаю я молодых пап!

– Да он вообще практически не пьёт, – возмутилась Зоя.

– Знаем, знаем: сын родился, так папы на радостях и спиваются.

В это время Костя в прихожей просматривал содержимое своего кошелька. Всё-таки районный педиатр – большое дело. Так сколько дать? За сентенции по поводу аборта и алкоголизма можно было бы дать и в морду... Тем более что педиатр был прав: как только Костя отвёз Зою в роддом, так сразу приехали со станции друзья и принялись его морально поддерживать: пили не за благополучное разрешение Зойки от бремени (чтобы не сглазить), а за российскую акушерскую школу, за здоровье Кости, за радио, за станцию...

Так что рождение сына он перенёс очень тяжело.

В ночь, когда у жены отходили воды, Костя метался по кровати весь мокрый, но вдруг почувствовал удивительное облегчение и заснул, как раз, как потом выяснилось, тогда, когда Зоя благополучно разродилась. Проснувшись, Костя позвонил в роддом, и ему сказали, что родился мальчик, здоровенький, увидеть его можно будет при выписке, а маму – уже завтра.

Завтра он увидел обоих. Навещать детей запрещалось, однако после кормления в маминных палатах тележку размером с двуспальную кровать, где лежали младенцы, провозили в детскую палату через холл. Там разрешалось стоять родственникам, и Костя среди восьми новорождённых безошибочно узнал своего. Ну нет, конечно, как разберёшь в этих свёртках с одинаковыми красноватыми новорождёнными мордашками, где чей. Просто Зоя, выглянув из своего отсека, бросила краткую наводку: «Второй справа в первом ряду!», Все детки на провозимой санитарками тележке были на одно лицо, и лицо это почему-то принадлежало тогдашнему премьеру Фрадкову – сморщенное, щекастое, бессмысленно улыбающееся...

В кошельке оказались купюры по пятьсот, одна пятидесятирублёвая бумажка и пара десяток. Костя решил дать пятьсот. Всё-таки, ёлки-палки, какой-никакой, но районный врач, пришёл посмотреть их новорожденного сыночка. Наконец суровый доктор засобирился восwoяси, ещё раз предупредив, что мальчики особенно быстро привыкают... к плохому. Проблему «благодарности», отодвинув мужа, решила обиженная жена, дав врачу всего пятьдесят рублей, которые тот с неожиданной благодарностью принял. Вдруг наговорил множество комплиментов по поводу младенца и ушёл, просияв, расправив плечи – другим, совсем не строгим, а милым, добродушным стариком.

На следующий день пришла патронажная сестра, которая произвела гораздо более благоприятное впечатление. И белый халат под пальто у неё оказался, и на обувь уличную она надела принесённые с собой бахилы, и даже маску на лицо надела. Зоя спросила её про педиатра, в том смысле, хорошо бы нам какого-нибудь другого, на что она сказала, что врач он очень хороший, очень, да, к сожалению, не без странностей, иногда того... но врач – каких мало, у него даже степень есть. Зарплаты у нас маленькие, понимаете ли, вот он и...

Парадокс: чем меньше платят, тем больше пьют.

Сестре Зоя попыталась сунуть сто рублей, но она с негодованием отказалась (то ли мало, то ли вообще не берёт?) и, нагрузив родителей важной и полезной информацией, быстро оделась и ушла.

А Борис Аркадьевич (так звали педиатра) пришёл на следующий день. Костя был на работе, и к запиликавшему домофону, пометавшись между пеленальным столиком, на котором пищал младенец, и входной дверью, пришлось бежать жене. В трубке раздался знакомый голос, который сказал на этот раз ласково, что пришёл «навестить маленького».

Он посмотрел младенца очень внимательно. Похвалил его пупок, успокоил Зою насчет икотки, чихания и весьма, как выяснилось, обыкновенного для такого ничтожного возраста цвета какашек. Научил правильно пеленать! Получив пятьдесят рублей, опять удивительно улыбнулся – искренно и нежно, очень как-то по-детски:

– Квартира у вас хорошая, такая же, как у меня с матушкой (он, оказывается, не такой уж и старый, раз мама жива), хорошие две комнаты и огромная кухня, да ещё лоджия, как третья комната, для двух членов семьи терпимо, но можно уже думать о расширении.

Надеюсь, одним ребёнком вы не ограничитесь. Но для этого надо...

- Вы что, риэлтором подрабатываете? – прервала его Зоя.
- Не смейтесь, – улыбка его тотчас повзрослела, и он продолжил, – но для этого надо...
бросить пить.
- Бог с вами, доктор, мы не пьём! – воскликнула Зоя.
- Смотрите, а то будет, как я, по полсотни сшибать, – сказал он неумолимо и ушёл.

3. Особый случай

Очень удивил странный тон, с которым помощник транслировал задание гендира, какой-то угрожающий. Костя был выдвиженцем и любимцем шефа, что случилось? Совсем недавно он поздравлял Костю с новорождённым, на отмечалово сам приехать не смог, но прислал шофёра с пятилитровой бутылкой виски, торжественно разрешил ездить только на программы, которые Костя вёл, освободил от новостей и корреспондентской работы; чего стряслось-то? Понятно, концепция поменялась, но почему так резко? Однако приказы начальства не обсуждаются. Требование найти из-под земли и приспособить к эфиру «Гагарина и совка» должно быть выполнено, как и всё, что ранее поручалось Косте. Кровь из носу. Но, чёрт побери, как? Поди туда, не знаю куда. Понятно, что нужен постоянный гость, эксперт из простых, задорный, парадоксальный, смешной совок. В мозгу непрерывно прокручивался кастинг всех совков, с которыми Костя был знаком. Их было немного, и все – не то. В Лобню ехать, падать перед отцом на колени: батя, выручай? Он-то – настоящий самородок, совок из совков, подходит по всем статьям, кроме одной: ни за что не пойдёт «позориться». Потому что он – не только совок, но в глубине души ещё и село, и деревня. Костя это в себе преодолел... Тут нужен городской житель. Слесарь-сан-техник из ДЭЗа?... Да, говорливый, всех вплоть до мэра и президента квалифицированно материт. Нет, он без мата не может... Среди таксистов много таких, но их кастинг дорого стоит и потребует слишком много времени... Началась какая-то мания, в каждом встречном Костя видел кандидата на вакантную должность супер-совка и мысленно «прокачивал» его на приспособляемость к радио. Прокачал и педиатра.

Гуляя с коляской, он увидел его, сидящего на скамейке в весёлом расположении духа. Это было не рядом с их домами – педиатр, видимо, не хотел светиться вблизи своих пациентов, – а довольно от них далеко, на берегу речки Сетунь.

Узенькой, извилистой, с крутыми берегами и соловьиными рощами – и впрямь живописной, как пишут в газетах. Особенно в устье – при впадении в Москву-реку у выстроенного в русском стиле городка-крепости клуба каскадёров. Зимой в пойме Сетуни проложены лыжные трассы, заливаются катки и есть отличные горки для малышни. Высокие берега с одной стороны защищают пойму от шума Кутузовского проспекта и Киевского вокзала, с другой – от грохота Третьего кольца и окружной железной дороги, ну и от «белого шума» Мосфильмовской улицы – тоже. И простирается это лесное счастье довольно далеко – до знаменитого круглого дома на улице Довженко и большого озера, что на улице Улофа Пальме. Рядом – Мосфильм, улицы Пудовкина, Довженко, Пырьева, где в старые времена селились работники кино, и храм Троицы, в котором они до сих пор замаливают свои грехи...

Педиатр сидел на лавке и читал бесплатную районную газету «Раменки». Костя профессионально цепким радийным глазом (на работе приходилось одновременно видеть два монитора, ещё бумажный текст и лицо собеседника) вырвал заголовок статьи, которую педиатр читал: «Мечты сбываются», судя по фото, на котором сияли счастьем лица «понаехавших» маляров, их мечты сбылись – они зацепились за Москву. Время от времени педиатр доставал из сумки пластиковую литровую бутылку... Застигнутый «на месте преступления», он несколько растерялся, но не возражал, чтобы Костя сел рядом, даже обрадовался: «Я теперь скупее стал в желаньях, то есть гораздо меньше того... Следить стал за собой... Но сделал дело, гуляй смело...» – оправдался он и глотнул из бутылки с почти стёршейся этикеткой пепси-колы, в которой неизвестного происхождения жидкость была, видимо, укреплена градусами добавленной водяры, – не берите с меня пример, я – особый случай...»

Да, особый. Одно из неожиданных подтверждений тому случилось недавно, и наблюдала его Зоя. Пьяненького Бориса Аркадьевича били подростки. Зверски. Кажется, он им сделал замечание, попросил, чтобы они при женщинах и детях так громко не матерились, – ну выпил

человек, море по колено, смелым себя почувствовал, безнаказанным. А они как с цепи сорвались: «Мочи бомжа!» Был ещё не поздний вечер, и прогуливающиеся мамочки так заголосили, что окончательно «замочить» педиатра не удалось. С переломами, гематомами, сотрясением мозга он попал в больницу, и это, надо сказать, пошло ему на пользу.

Когда более-менее оклемавшийся, как будто лет на десять помолодевший педиатр пришёл с плановым визитом к ним домой, Зоя при попустительстве Кости совершила силовую акцию. После завершения осмотра доктором ребёнка она, вместо того чтобы вручить ему очередную пятидесятирублёвку, которую, впрочем после и вручила, вынула из шкафа приготовленный пакет с вещами и приказала:

– Сейчас я вас буду лечить, Борис Аркадьевич, я!

Наденьте это! В отличном состоянии, а то ходите как бродяга, а ведь кандидат наук! – и протянула ему Костину пуховую куртку, которая после покупки папе дублёнки была обречена на бестолковое доживание в лобненском сарае.

Врач растерялся, мама помогла ему её надеть и, поняв, что куртка впору, тут же сняла.

– Снимайте теперь пиджак.

– Нет, – вскричал педиатр, – нельзя.

– Почему?

– Не надо, – страшно покраснел педиатр.

– Идите в ванную, там муж вам поможет переодеться и померить новый, он почти новый.

– Не надо, прошу вас, – слёзы, смешанные с ужасом, заполнили его и так водянистые голубые глаза.

– Хорошо, не снимайте, я понимаю. Вот наденьте сверху, – протянула белый халат.

– Нет. У меня есть, дома, нам выдают, у меня есть, честное слово, – запротестовал он.

– А что же не носите?

– Забываю, – побледнел доктор.

– У вас ещё будут сегодня визиты?

– Нет.

– Хорошо, надевайте куртку, перекладывайте в неё всё, что в карманах вашего пальто, которое мы немедленно реквизируем, чтобы оно не позорило отечественную педиатрию. Вот пакет, в нём костюм тоже в отличном состоянии, вы с мужем примерно одного роста, там ещё рубашки... Какой у вас размер ноги...

– Сорок три с половиной.

– А у тебя? – спросила она мужа.

– Сорок четыре, – удивился муж тому, что жена забыла его параметры.

– Я знаю. Вот на ваших глазах всё складываю. Чтобы завтра пришли к нам новым человеком. У вас электробритва есть?

– Есть, – педиатр казался совершенно разбитым.

– Точно есть?

– У меня обычная, не электро...

– Электро – эффективнее, мы Косте новую подарили, а вам кладу «Браун» в отличном состоянии, не смейте мне противоречить! Пользуйтесь ею регулярно, пожалуйста. Завтра к нашему мальчику – в девять, в лучшем виде, понятно? Если вы, Борис Аркадьевич, родной, завтра не придёте к нам огурцом, я не знаю, что с вами сделаю...

Его растерянность, кряхтенье, взгляды то на Костю, то на Зою завершились тем, что педиатр сделал глубокий шумный вздох, который испугал молодых родителей. Он склонил голову, пытаясь поймать и поцеловать руку Зои, поймал и затрясся.

Но долго рыдать ему не дали, уж больно жалко выглядел его дрожащий затылок с длинными, нехорошо блестящими, редющими седыми волосами.

Костя нахлобучил ему на голову тёплую кепку, которая была доктору чуть великовата. Врач поднял голову, пришлось подарить ему ещё и платок, чтобы он вытер слёзы и протёр очки. Эти простые физические действия его немного успокоили. Прерывисто всхлипывая, он сказал:

– Вы, вы... заботитесь обо мне... Обо мне давно никто... в больнице вот... теперь вы... Социальные работницы к маме ходили каждый день, пока я болел, святые люди...

– Ничего мы не святые, мы не о вас заботимся, а о себе, мы хотим, чтобы доктор у нашего маленького был на человека похож. Пожалуйста, Борис Аркадьевич, не опускайтесь, прошу вас, миленький, чтобы завтра... пришли огурцом, – тут жена тоже начала дышать, а заплакала она в крепких объятьях мужа, только когда доктор ушёл.

– Дурында моя, девочка, – говорил Костя, целуя Зою. Но нежности в который раз развития не имели, Витька пронзительным плачем властно позвал маму к себе... Пора кормить, потом укачивать, потом укладывать, потом опять...

4. Левый берег

Доктор в Костиной клетчатой рубашке, в его же джинсах и кроссовках на босу ногу смотреть стал и вправду огурцом – конечно, сильно пожухшим, но не таким безнадежным, как при первой встрече. Он отхлёбывал «пепси-колу» из недавно початой пластиковой баклажки, спрятанной в стареньком полиэтиленовом пакете, радуясь и удивляясь тому, что его слушают.

– Книжек медицинских давно не читаю, мне в поликлинике дают для повышения квалификации, ну я их просматриваю, и мне становится очень больно – эти новые исследования атопического дерматита мог и должен был делать я, но не сложилось... Мне, знаете, часто бывает всё равно. Всё! И жить не хочется. Мама держит, она волевая, а сейчас слабая, ей уход нужен, вот я и хожу за ней. Как за младенцем, кормлю с ложечки, памперсы меняю, мою, переворачиваю, протираю, она ещё имеет силы мной командовать, молодец, да, да, вот воля у людей, прошедших войну... А мне иной раз так плохо по утрам, а главное – стыдно за свою жизнь, мне даже хуже, чем всё равно, – смысла не вижу. Ничто не радует, ни люди, ни страна, ни мир... Успокаиваю себя так: маму надо довести, а потом с лёгким сердцем – тютю, гуд бай, освобождай помещение...

На вызовах кое-как отживаю, в поликлинике я уже давно не принимаю, но когда по домам хожу, вижу детишек и отхожу немного. Но и дети не всегда радуют, возишься с ними, а что из них вырастет? Пока совсем маленькие, они ангелы, – педиатр, сощурившись, с тревогой и жалостью посмотрел на Костину коляску. – Выхаживаешь ангела, и страшно подумать, что именно он тебя, старика, потом ногами забьёт... Народ в Москве хуже сделался. Рожают приезжие, в них человеческого отношения к детям больше. И к врачам – уважают нашего брата. Детей любят без сюсюканья, их любят, а не себя в них. Семьи большие, старшие помогают младшим. Один за всех, все за одного. У нас каждый за себя и все против всех. Через месяц молодые родители уже собачатся друг с другом, особенно если без бабушек с дедушками воспитывают. Вот на бабушек последняя надежда осталась. Правильно Евтушенко писал: «Россия наша держится на бабушках...» У вас, я смотрю, бабушек нет?

– Почему? Есть, две, рвутся в бой, но мы пока сами справляемся, у меня график на работе сейчас пока более-менее свободный, так что могу жене помогать... – поделился Костя и опять вспомнил последний разговор с гендиром, тон был не обычный, не отеческий, не дружеский, а какой-то раздражённый, отчуждённый, ультимативный. Что там стряслось всё-таки на станции? Вот засада, блин...

– Какой же вы добрый человек, что слушаете меня.

Сейчас нет такого, чтобы кто-то вдруг просто, без корысти захотел кого-то выслушать...

Знаете, мне уже не так на себя наплевать стало, простите, я вам не предлагаю, чтобы не соблазнять, – он отхлебнул пенистую смесь чёрт-те чего чёрт-те с чем, – ваша супруга мне говорила, что вы не пьёте, а один раз сказала, что раньше, бывало, злоупотребляли, но после рождения ребёнка прекратили совсем, обещали прекратить... Я тоже обещал, я же женат был, и дочь у меня есть, Лерочка, но она меня стесняется, не любит, презирать даже стала. Мой образ жизни. Но он и в самом деле у меня в последнее время не того, но дочка-то, ни разу бабушке не позвонит, а сколько она с ней нянчилась – у них другая жизнь, бизнес, ничего личного, бесчеловечные стали. Мне звонит раз в год, а ведь она дочь моя, дочь...

Эх, – он отхлебнул ещё немного и заговорил как-то нарочито саморазоблачительно, – впрочем, не совсем она моя, а если честно, то совсем не моя. С ней связан мой первый перелом, точнее, с её мамой... Я ведь рос маменькиным сыночком, маленьким верным ленинцем, отличником, очень целеустремлённым мальчиком... Знаете, – оборвал он сам себя, – когда думаешь о чём-то, особенно о будущем, то на душе беспросветно, стыдно и грустно, гнусно даже, а когда говоришь, выговариваешь вслух, вдруг совсем не так...

Костя удивлялся тому, что когда коляска стояла рядом с педиатром, то ребёнок не плакал, а мирно посапывал, уже плюс, но главное, «совок» постепенно раскрывался. Радовала складность речи педиатра – это уже полдела, а то бывает, человек интереснейший, но когда начинает лепетать, не выговаривая половины букв, да ещё: э-э-э, м-э-э, как бы, так сказать, на самом деле... – хочется его убить в прямом эфире. Что-то наклёвывается, главное не спугнуть. Не просто спившийся доходяга эпохи перехода к рынку, а мужчина со следами... Про мужчин так не говорят – со следами былой красоты, какая там красота, горькие слёзы – они всё время у него и текли...

– Я всё не могу доискаться, – продолжал доктор, – с чего всё началось, то есть с какого момента началось падение, ведь я был ого-го, говорили, что способности выдающиеся, ещё в школе – я с детства медициной болею, – потом в институте говорили, потом в научно-исследовательском институте. Я был очень правильный, мама меня так воспитала. Папа добрый был, а мама строгая, я её не любил за это, а любил папу, я его обожал, но только я кончил школу и поступил в институт, как он от нас ушёл. Ушёл, и за это я его возненавидел, убить хотел. Как можно было оставлять маму? Да, она буквально продохнуть ему не давала, у неё был бзик на выпивке. Нельзя в доме было выпивать, даже на праздник рюмочку – я узнал вкус вина только в институте, – и вообще строго всё было. Они с папой военные врачи, так что жизнь у папы была не сахар, теперь я его понимаю, но тоже не до конца. А тогда я не мог ему простить предательства, страшно нагрубил, готов был ударить. Он очень переживал, ведь любил меня... И я простил, потому что он вскоре умер. Он маму предал, я – его... Да, всё дело в предательствах. Потом меня предала любимая женщина, потом другая, потом правительство. Оно изменило и мне, и Родине; зря Чехов смеялся над этим – не знал, что со страной случится, шутил с изменой, а с нею шутить нельзя... Как Бурбулис с Шахраем пошутили в моём присутствии. Потом, никуда не денешься, и я тоже начал изменять, и сразу получил по голове так, что еле встал, но встал. Падал и вставал... Знаете, хуже, когда ты предаешь, а не тебя. А хуже всего, когда сам себя...

Педиатр вдруг остановился, надел очки, приподнялся и посмотрел туда, где набережная прерывается мостиком через Сетунь, но потом опять сел и простодушно продолжил:

– Я не любил ярких, я их боялся, всех этих ногастых, грудастых, глазастых, которые нахально лезли в мою жизнь... А и сам не заметил, как стал на них обращать внимание... ещё в школе... они меня раздражали, волновали, отвлекали от дела... – доктор кивнул в сторону противоположного берега, – вон смотрите: Венера и шибздик...

По противоположной набережной – «набережная» сильно сказано, но всё же довольно широкая дорожка возле реки, и даже несколько скамеек имелось – шли двое: невзрачный белёсый мужичонка, а за ним, здоровенная рыжая баба (неужели жена?), которая обзывала его «лопухом и неседелухом» и толкала-пинала, а он покорно семенял, изредка отбрюхиваясь. Странно, как будто гнала мужа-пропойцу домой, но пьяненькой скорее была она – он пёр тяжёлые клетчатые сумки, а у неё в руках ничего, кроме бутылки пива, не было. И одета «Венера» была, в отличие от «шибздика» в выцветшем камуфляже, вызывающе, зазывно: в блестящих фиолетовых леггинсах, обтягивающих её мощные бёдра, и тесной жёлтой блузке, из которой рвались наружу могучие перси. Она была похожа на Петра Первого – круглолицая, со сверкающими глазами навывкате и даже, кажется, с усиками. Понукала мужа, явно работая на публику, в данном случае на Костю с педиатром, дескать, вот с каким недоделком приходится горе мыкать, а где они сейчас, настоящие мужики, эх, кабы нашёлся, я бы его, сердечного, насмерть залюбила...

– Тьфу! Зараза крашенная, мужик на неё горбит, а она его позорит, – расстроился Борис Аркадьевич, снял и спрятал в нагрудном кармане рубашки очки. – Видеть не могу! – и неожиданно прибавил несколько неприличных слов, из которых стало ясно, что доктору также не

очень нравятся Александр Цекало, Лолита Милявская, Максим Галкин и Алла Борисовна Пугачёва, на которую эта хабалка старалась походить.

– Совсем распустились бабы, но они давно стали распускаться, но так, как сейчас, никогда... Училась у нас в институте одна яркая такая, не распушенная ещё, но очень красивая, волосы... нет, не рыжие, не знаю, как сказать, тёмно-золотые, густые, кучерявые, и фигура тоже такая, кучерявая... неправильно сказал, хорошая, очень хорошая фигура. И она стала оказывать мне знаки внимания. Не верите?

– Верю, верю... – Костя поначалу и вправду не очень верил. Ему казалось, что наговаривает на себя доктор, привирает. С другой стороны, под действием «пепси-колы» дядька как будто распрямлял плечи, окрылялся, дышал свободнее – и очень хорошо, пусть говорит, может быть, до чего-нибудь договорится... Надо понять, какая у него творческая доза, то есть после которой он станет бессвязным. Мужчина со следами былой моготы...

– Потому что я был на виду, преподаватели меня хвалили: лучший студент. А она была отстающей, очень слабенькой по всем дисциплинам, но... с телом таким... в общем, всё при ней, и этого всего было много, и оно было прекрасно, а ещё она какая-то непонятливая была, всё просила меня подтянуть её – так это тогда называлось, – даже домой к ней ходил подтягивать. Вы улыбаетесь, значит, не так поняли, это мне такое комсомольское поручение дали. Вы застали комсомол?

– Застал немного, только вступил, так его, слава богу, сразу и отменили, – несколько огорчился Костя, предчувствуя длинное лирическое отступление о ленинском союзе молодёжи. Но и это надо перетерпеть – тема может пригодиться.

– Не слава богу, совсем не слава... А меня на Красной площади принимали, и в пионеры, и в комсомол. Только не надо смеяться... Сейчас вспоминаю, было это очень хорошо. Простор, куранты бьют на башне, гулко, пустынно, ветрено, никаких, как теперь говорят, гастарбайтеров... Мы – аккуратные, выглаженные, белый верх, тёмный низ, и нам старшие товарищи галстуки алые повязывают на белые рубашки. Ну что вы усмехаетесь, Костя? Необыкновенная торжественность чувствовалась, праздничность, гордость, причастность – тут и Кремль, и собор Василия Блаженного, и ГУМ, и небо... Потом нас вели в Мавзолей, шёпотом спускались в подземелье, в катакомбы эти мраморные, где вечно живой Ильич лежал, то есть мощи его забальзамированные. Страшно с непривычки. «И Ленин, как рентген, просвечивает нас». Причащали нас как будто святых тайн коммунистических... Я и Сталина помню, меня мама водила незадолго перед тем, как его предали, Хрущёв предал... земле. Они по-разному лежали: Ленин как будто на цыпочках, как будто встать хотел перед смертью, а Сталин как будто очень недовольный чем-то, раздосадованный, но вынужденный скрывать своё недовольство... А когда года через четыре уже комсомольские значки вручали на Красной площади, то некоторые хихикали, потому что шли в комсомол для карьеры. А я от души шёл, у меня отец в комсомол, а потом в партию на фронте вступал, а коммунистов в плен не брали, так что вы над этим не смейтесь... А самый счастливый момент жизни – это когда Гагарин в космос полетел. Догнали-перегна-ли-таки Америку! Я маленький совсем, но тоже выходил на площадь, стихийная демонстрация была, папа меня на руках нёс. Юрию Алексеевичу показывал. И он меня углядел среди демонстрантов, рукой помахал, и я ему – флажком. – Педиатр показал, как он махал Гагарину флажком. – На всю жизнь запомнил. Первое отчётливое воспоминание детства – Гагарин... И в Мавзолей меня тогда же сводили, почему я Сталина-то помню... Такой подъём был, Хрущёв только картину портил, он – смешной был, его часто по телевизору показывали: какая-то важная международная встреча, он и Кеннеди какой-нибудь, Кеннеди – красавчик, а наш – как будто из «Трёх толстяков», смешно и стыдно было, а ведь он символ державы... Поздно его сняли и зря назначили, хитрая сволочь, враг, хуже Горбачёва, эх, беда с предателями... Но мы тоже не сахар...

«Вот, Гагарин, ключевое слово!.. Отлично. Настоящий совок! Сталина в гробу видел, позиция есть, искренность, боль. С Бурбулисом был знаком, если не врёт... “С нами на связи Борис с Потылихи по телефону, ваш комментарий по поводу казни Саддама Хуссейна?” Что-то проклёвывается – Костя подумал, что не зря тратит время...»

– Да, занимались с ней по биологии, анатомии человеческого тела, и она ничего не понимала, не запоминала, плакала и намекала, что это я ничего, ничегошеньки не понимаю... А парень я тогда был уже, извините за нескромность, видный, но ещё очень скромный, застенчивый. Думал о том, что если уж полюбил кого-то, то сразу надо жениться... Секса в смысле разврата тогда было в разы меньше, чем сейчас. Большинство студенток до брака – ни-ни, ну целовались, ну то-сё, танцы-шманцы-обжиманцы, но чтобы... Многие тогда так были воспитаны. Давили на нас: родители, школа, пропаганда всякая; и правильно делали, что давили, а то выросли бы такими же уродами, как теперешние... Например, я в детстве поставил на себе в некотором смысле крест, потому что мечтал, конечно, стать космонавтом, а потом первый раз с мамой полетел на самолёте и испугался насмерть, понял, что не смогу я в космос – трус, боюсь... Потом эти герои-пионеры Валя Котик, Марат Казей, Володя Дубинин, я понял, что нет во мне их отчаянной храбрости, что не смогу я своей жизнью пожертвовать ради правого дела. Потом, кстати, понял, что как раз я-то и смог. Я бы смог, попав в отчаянную ситуацию, если бы окружающая обстановка довела, как раз борясь со страхом, смог бы совершить что-то героическое... Особенно если допекут, и, когда допекали, я голову терял и совершал некоторые поступки, за которые до сих пор стыдно... А тогда принял решение стать врачом, как родители, и не понимал, что мужества здесь потребуется не меньше, чем космонавту или пионеру-разведчику... Вы знаете, кто такой Валя Котик? Не знаете. Герой. Необыкновенной выдержки и отваги парень, очень умный, прирождённый диверсант, он составы подрывал фашистские, немца-офицера застрелил, в бою пал геройски, помните фильм «Иваново детство»? Вот такой, наверное... А я до десяти лет темноты боялся, высоты до сих пор боюсь, какая тут космонавтика...

Костя застал пионерскую пропаганду, что-то слышал про Марата Казея, Володю Дубинина, но никогда ему не приходило в голову, что Бурляев в «Ивановом детстве» Тарковского – герой вроде Марата Казея...

– Да, про эту Бэлу незабвенную. Хороша была, тело редкостное; в нежной оболочке, извините за выражение, тугой бутон, вот-вот должен был вспыхнуть, взорваться, распахнуться... Когда через несколько лет этот процесс пошёл, то стала она постепенно на тётку походить, да, да, на ту, которая прошла сейчас. Я их знаю, пару эту, шибздик – участник войны, первой чеченской, танкист, орден имеет, ранения, настоящий герой; теперь – слесарь, в ДЭЗе у нас работает. Парень – золото, на все руки, а она – на рынке продавщицей, дочь у них есть, она её матом учит... Я ему как-то говорю: беги от неё, съест твоя тебя, всю кровь выпьет, а он: не могу, она меня ждала, чистой дождалась из армии, дочка у нас, а главное, люблю я её, помню, какой она в школе была, забыть не могу... Вот любовь. А могло бы у этой бой-бабы с десятков детей родиться, и тут не до колготок с люрексом было бы. Но сорвались они из своего Саранска или Сызрани, не помню, в общем, все заводы там позакрывались, куда деваться, спиваться, как другие? Вот в Москву и прорвались, сперва в Подмоскovie, потом в Москву, он не пил, а она начала закладывать, потом и он... Беда...

И, значит, Бэла эта в свои семнадцать лет была умопомрачительной красоткой, не могло к ней не тянуть, против природы не попрёшь, да, тогда у меня и сравнивать особо было не с кем, и дурных мыслей не возникало, чтобы воспользоваться моментом. Хотя, конечно, как их ни засовывай назад, мысли эти, они лезут; но сказать, чтобы она мне сильно нравилась, тем более что любил её, я не мог, – учёба, наука меня куда больше привлекали. Отвлекала она, влекла, с панталыку сбивала...

Ждала от меня решительных действий и дождалась.

Помню, как раз подтягивал я её по анатомии человеческого тела у неё же в комнате, и вдруг, извините за нескромное признание, мы поцеловались. В первый раз. В губы. И остановиться не могли. На улице осень поганая, дождь со снегом бьёт в стекло, у них окна большие были... Жила она в сталинском доме, отец её был каким-то важным заместителем министра здравоохранения по снабжению, всё время в командировках, а она с мамой здесь в Москве – на Ленинградском проспекте, за чугунной оградой... И мамаша дома в это время, как нарочно, не было... Неудобно рассказывать, как будто развратный старикашка свои подвиги перечисляет...

– Пока подвигов никаких не было, – нейтрально, чтобы не спугнуть, отнёсся Костя.

– Будут, – с сожалением заверил педиатр. – Как-то само собой всё полетело в тартарары, немножко она как будто с цепи сорвалась, прорвало её, и меня тоже. Она стала говорить мне слова любви, хорошие слова лепетала, а мне не до этого... Целуешь уже куда попало, и грудь у неё вздымается, и у меня тоже всё... Жарко стало, изнутри жар шёл, молотьба по всему телу, и мысли все из головы повыскакивали: прости, мамочка, прости, товарищ Ленин, плохой я комсомолец, предатель светлых идей, попираю моральный кодекс, то есть с минуты на минуту попру... А Бэла эта прям-таки обезумела, глаза её в туман ушли. Ты любишь? – спрашивает, я отвечаю, не помню что, что-то про анатомию человеческого тела договариваю. Кре-стцово-подвздошный сустав, лобковый симфиз, запирательная мембрана... И сильная такая она, Бэла, оказалась – вот странная схватка была: кто кого? Спрашивает: «любишь?», а я, как будто что-то, понимаете, заело, всё про те косточки и мышцы её, которые я в данный момент гладил: грудная фасция, двубрюшная мышца, трапецевидная... Она – ни в чём уже, и я, как выяснилось, тоже... Молочные железы её меня просто с ума сводили, я же говорю: бутон, ещё не распустившийся, ну впервые в жизни грудь женскую в натуре увидел... Не смейтесь, стыдно и больно об этом рассказывать.

Костя не смеялся. Он сидел красный, слушая эту непрошеную исповедь, и строго смотрел на педиатра.

– И трепещет она, как яичница на сковородке. И шея у неё, ещё помню, тоже была чудесная, кожа, повторяю, невероятно нежная... Ужас. А мне ещё, представьте, восемнадцати нет, отличник, мальчишка совсем, мы оба – комсомольцы...

По Косте пробежала горячая волна, как при уколе магнезии, он никак не ожидал такого развития событий, такой степени откровенности. «Ну жжёт старик, охренеть можно».

– ...Она ещё какое-то время корчилась, как будто судорога её сводила, и «любишь-любишь» шептала, постепенно как будто отходить начала. А мне вдруг противно стало, нестерпимо стыдно. Не знаю почему. Тогда не знал, сейчас-то понимаю, а тогда... Вот только что был зверский подъём, мозг отключён, плывёшь в полузабытьи, и вдруг р-раз... Как будто свет в борделе включили. Срам и презрение... Чужой человек меня голым видел, девушка, однокурсница, всего меня трогала... Ах, если бы она хоть что-то понимала или хотела понять в той профессии, на которую училась, если бы была между нами хоть какая-то общность интересов. Духовных, так их растак. И на медицину, и на Ленина, и на Леннона ей было плевать. Я до сих пор ни Ленина, ни Леннона не предал, имейте это в виду. Из битлов мне, правда, Харрисон больше всех нравился, царствие ему небесное. Маккартни чересчур сладким казался, у Леннона, как сейчас говорят, слишком много понтов было, скурила его Йока эта, япона мать, а вот Харрисон – наш человек... А вы какую музыку предпочитаете?

– Я? Хард-рок... – обескураженный крутым поворотом, честно признался Костя.

Тут Борис Аркадьевич расхохотался, звучно, басовито, совершенно невозможно было ожидать от несчастного забитого педиатра такого сардонического хохота.

– Ну вы, Константин Викторович, даёте. Хард-рок отстой, ничто в сравнении с битлами. Не поверите, у мамы моей сейчас одно средство массовой информации осталось, радиоточка, радио «Россия», так там почти ничего нашего уже нет. Всё не наше, как будто вражий голос, как тридцать лет назад, и Сева Новгородцев клеветает из Лондона. И частенько как раз хард-

рок дубасит. Дожили... Я говорю: мам, давай я отключу эту чёртову точку, она говорит: нет, пусть бьёт. Мобилизует к сопротивлению...

Педиатр умолк, кривовато улыбаясь, видимо, готовясь к следующему словесному прыжку.

«Жесть! Он на все темы может. «А что думает Борис с Потылихи о хард-роке?» Ни у кого такого эксперта не было. Похоже, это пруха». И Костя не удержался от восхищённого комментария вслух:

– А вы, Борис Аркадьевич, Декамерон, Шахерзада, Казанова... «Трепещет, как яичница на сковородке» – вам книжки писать надо...

Педиатр перестал улыбаться и обнаглел.

– Да что это за книги теперь? Всё про задницу, звёзды и пёзды, мать их. Любовь отменили, и дерут друг друга только ради животного интереса. Но без неё главного-то оргазма и нет. Смысла никакого нет. Любовь имею в виду. К матери своих будущих детей. Если ты не готов отдать жизнь за женщину, которой обладаешь, то что это за обладание? Аренда! Скотство, совместный онанизм. Если ты, гад такой, не изливаешь семя в её матку, то ты извращенец, сволочь, предатель родины, понял? – он гневно перешёл на «ты».

– Понял, понял, Борис Аркадьевич, только не кричите так, вон на нас уже внимание обращают.

И правда, на противоположном берегу остановились три таджика, двое с тачками постояли и поехали дальше, а третий, который постарше и без тачки, с любопытством вслушивался в докторский монолог. И, казалось, всё слышал, так как согласно кивал.

– В процессе, который природой определён для зарождения потомства, – перешёл на шёпот доктор, – для продолжения рода, главным стало, чтобы он проходил без последствий. Без того, для чего предназначен!!! Бессмыслица, бред...

– Но тут объективные причины бывают, – Костя решил попробовать выманить педиатра на полемику, заговорил нарочито чиновным канцеляритом, – планирование семьи связано с материальной обеспеченностью, наличием жилищных условий, с профессиональными достижениями мужа и жены, они должны реализоваться как личности, состояться, осуществить свободу выбора, самовыражения...

– Самовырождения! Свобода вы-рож-дения, – гневно оборвал Костю педиатр. – Допланировались до того, что село вымерло и теперь абсолютно свободно, в городах по одному ребёнку в семьях, два – редкость, три – геройство. Чтобы получить квартиру, надо сдохнуть от напряжения. Рабочий класс, свой, родной, обученный, квалифицированный, уничтожен почти поголовно. А у этих потомков Авиценны и Омара Хайяма, несмотря на нищету, население растёт. Потому что Бога боятся.

Таджик опять закивал. И, дружески улыбаясь, спросил через речку:

– Копать, таскать, квартиру ремонтировать?

– Нет, спасибо, – ответил Костя. А педиатр продолжал наяривать, его уже не нужно было подталкивать и направлять:

– Хрень всё это – «поживём немного для себя», махровый эгоизм, и дети, если появятся, тоже эгоистами вырастают. Кончится это домом для престарелых и мольбой об эвтаназии, как в Европе. Так что ни маминых заветов, ни заветов Ильича и никаких других ветхих заветов я тогда не предал. Не предал! Пока Бэла эта, бутон страсти, ети её, отходила, дрожа всеми своими чудесными лепестками... Сейчас вспоминаю, красота, конечно, ни с чем не сравнимая... Знаете, формально она не стала моей первой женщиной, как такового коитуса не было, но как первую вспоминаю именно её. Тогда в доме этом на Ленинградском проспекте я ещё не дозрел до подобных размышлений, и мне ужас как противно, липко стало, одеваюсь быстро, чтобы уйти с поля боя непобеждённым. Руки не слушаются, пальцы скачут, пуговицы путаются... Она из ванной выскочила и за мной бросилась, я в зимнем пальто уже, а она ещё голая, мокрая,

в халатике банном не подпоясанная, и не стесняется себя такой, расстёгивает мои пуговицы, прижимается, облепляет меня всей своей наготой, шепчет, не отпускает, плачет. А я решил так решил, говорю, что мне домой надо срочно, а сам всё же сомневаюсь: надо ли?.. Не смотрите на меня так, как будто я полный идиот. Не полный. Не было во мне любви, для брака, для детей не созрел, а без любви как-то подло могло получиться – так я тогда думал... А вдруг она залетела бы, я, как благородный человек, должен буду моментально жениться и жить всю жизнь с чуждым элементом? И подтягивать его? Главное, всё это отвлекало меня от науки, но тело её, будь оно неладно, опять я про него... Кудри эти чёртовы, горящие, и кожа ног там, когда она окончательно раскрылась, нежная, как у младенцев, и цвет – белый с просинью на контрасте с тёмным золотом, да ещё в свете этом мерцающем, чёрт знает что!.. Сейчас все бреют-подбрасывают, и некрасиво получается...

– Откуда вы про сейчас знаете? – заинтересованно удивился Костя.

– Я газет, что ли, не читаю?.. – удивился в ответ педиатр и хохотнул с некоторым даже превосходством. – Да и память у меня хорошая, помню, грешный, как пару-тройку лет назад – я тогда не совсем, так сказать, ещё того... – он озорно подмигнул, – так вот к одной мамаше ходил с Мосфильмовской улицы, старородящей, под сорок уже, но очень обеспеченной. Она мне нравилась тем, что от нечего делать вдруг рожать вздумала. И получалось у неё это дело славно – все роды лёгкие, и детки здоровые, вот я к ним и ходил... У неё всё имелось: домработницы, няньки, шофёр, муж, которого я ни разу не видел, бандит, по-моему. А она такая светло-коричневая вся, и волосы кудрявые, чёрные – я думал даже, что она мулатка, курнопеистая такая, губастая, глазастая. И несколько со сдвигом была.

Ей, видите ли, так понравилось, как я с её младшим малышом управлялся, что она не вытерпела как-то и меня в свой будуар зазвала. Отблагодарить, что ли, решила? Говорила типа: «Ах, кто бы меня так распеленал-запеленал, – и вдруг халатик-то свой, кимоно, р-раз! И раскрыла случайно... – Ой, – говорит и наблюдает за моей реакцией, как я на неё, голую, смотреть буду...

Да, было на что посмотреть, я аж ахнул, она не мулаткой оказалась. Абсолютно белая женщина, но очень местами загорелая. То есть там, где бикини было, кожа снежно-белая, вся остальная – коричневая, и огромные соски жёлтые, то есть она как будто в белом купальнике со звёздами, а внизу чайка выбрита, мхатовская, но чёрная. – Ой, – повторяет. Стоит, наслаждаясь моим восхищением, и не запахивается. В общем, я... – педиатр остановился, хмыкнул, – это вам не нужно знать... – однако в который раз не удержался и продолжил:

– Короче, я стал размышлять: она просто загаром своим хвастается или, так сказать, приглашает? Я двинулся к ней, а она вдруг р-раз – и запахивается, и царским жестом мне на дверь указывает. Ну я и поворачиваюсь восвояси. Она опять ойкает и манит купальником своим белоснежным и чайкой чёрной... Играть вздумала со стариком, шутки шутить... Ну и доигралась, конечно, артистка мхатовская, пришлось нарушить клятву Гиппократата. Она, как вы знаете, запрещает вступать с больными в интимные отношения, но я беспощадно вступил, чтобы неповадно было... Вот такие теперь мамыши встречаются. Хотя неплохая, в сущности, баба. Богатая слишком, никакая, кстати, не артистка, она не о чайке думала, когда этим безобразием занималась, а о логотипе «Мазды». Муж её эту марку автомобилей крышует. Короче, просто дура безответственная, с жиру бесится, всё ей вынь да положь. Хоть слесаря, хоть педиатра. Знаете, что её больше всего волновало? Что загаром её мало народа может по-настоящему насладиться... Бог даст, дети подрастут и исправят её... Хотя вряд ли, слишком богатая, избалованная. Слишком, нельзя так. Когда в 1924-м вместо Бога Ленина ввели, такого безобразия не было, то есть было, но его быстро прикрыли. А вот отмену Ленина народ уже не перенёс... Ведь Ленин – Сталин это же не живые люди, это ж громовержцы, ангелы мести, карающие меч и топор... К концу Первой мировой народ совсем страх потерял, веру и в царя, и в отечество. В Бога не верили ни социал-демократы, ни эсеры, ни кадеты. Только монархисты верили, но

их осталось-то всего ничего. Что вы хотите, Серебряный век, разврат беспредельный, почти, как сейчас. Газеты откровенно богохульствовали, Лев Толстой с церковью расплевался, граф Тол-сто-ой, Рюрикович! – педиатр поднял вверх палец. – Белые в Бога тоже не верили! Только красные верили. В светлое будущее, в торжество справедливости и рай на земле в отдалённой перспективе...

– Где вы всего этого начитались? – не удержался Костя от ехидного вопроса.

– Своим умом дошёл, – с достоинством ответил педиатр, – добрые люди помогли, впрочем, всё это лежит на поверхности...

– Хозяин, дядя Боря, работа есть? – как будто уже готовый обидеться, очень строго спросил всё ещё не ушедший таджик. Он сидел на лавочке противоположного берега и обращался именно к Борису Аркадьевичу.

– Ах, это ты, Касым! – педиатр надел очки, и всплеснул руками, и к сердцу их прижал, как будто родного человека встретил. – Извини, не узнал сразу, нет работы у меня, какая у меня работа? Извини, я щас... – и быстро, тихо отрекомендовал Константину таджика, – очень хороший человек, отличный мастер, ответственный, недорого берёт, он у нас ремонт когда-то делал, до него мне с таджиками-узбеками не везло, а этот – верный человек, ленинец. Я-то раньше формально к этому относился, только сейчас убеждённым социал-демократом делался под ударами, так сказать, судьбы, а он и сейчас, и тогда человеком был. Между прочим, по образованию историк, не верите? Зря. Уважаемым человеком был, в Москву ездил на симпозиумы, в гостинице «Россия» жил, за правду боролся в освещении событий послевоенного периода. Это он меня насчёт Хрущёва просветил, а теперь – копай-таскай, иначе никак. С работы его на родине погнали за пролетарский интернационализм, а у него одиннадцать детей и жена русская, кормить-то надо... – и спросил таджика: – Касым, скажи, жалко тебе СССР?

– Не то слово, Борис Аркадьевич, и нам жалко, и вас жалко, и себя жалко, всех жалко. Будь проклят шайтан Александр Николаевич Яковлев 1923 года рождения, а также оборотень Горбачёв Михаил Сергеевич 1931 года рождения и иуда Ельцин Борис Николаевич 1935 года рождения, Шеварднадзе Эдуард Амвросиевич...

– А какого числа родился Яковлев? – ну так, отчасти ради смеха спросил Костя – он помнил эту дату, потому что она совпадала с днём рождения его матери.

– Второго декабря, – сразу ответил таджик. – Горбачёв – второго марта, Ельцин – двадцать третьего апреля... Чёрные дни календаря.

Н-да, бывает же такое – ломка стереотипов. На совка и зверь бежит. Таджики же все вроде должны быть грязными, неграмотными... Костя вспомнил, как он однажды у понравившейся ему широкоскулой продавщицы попросил пармезана и произнёс, грацируя, с французским прононсом: «пар-р-меза-а», она усмехнулась и назвала этот сыр без всякого прононса, очень мягко: пармеджано, указав на итальянское происхождение этого сорта сыра. Оказалось, продавщица – кандидат филологических наук, бывший преподаватель киргизского университета...

Костя с удовольствием записал продиктованный через речку телефон Касыма. «Нам нужны таджики, тем более такие! Bravo, педиатр, настоящий совок и друг совков!»

А педиатр продолжал нашёптывать, глядя вслед удаляющемуся таджикскому коммунисту:

– Вот древнейший народ, великой культуры, более древней, чем наша, могли бы спиваться, как мы, но не спиваются. Хотят выжить: нет работы для историка – кем угодно пойдёт и работать будет. Он у них, Касым этот, что-то вроде бая теперь, под ним – лучшие таджики Потылихи, но он справедливый бай. Настоящий коммунист. А наши баи что вытворяют? С дехканами своими? Стадо баранов без пастуха обречено, овцы волков за овчарок принимают, самые смелые дичают, разбегаются... А тогда, после революции, появились волкодавы и такого страху напустили, что люди о Боге вспомнили. В норму вернулись, уверовали, молились на

них и боялись. И строили и жили, как праведники, недоедали, вкалывали. Спасались, прости Господи... И никого не было ближе к Христу, чем простые советские люди, строители коммунизма...

– Нет, ну северные корейцы поближе будут... – Костя решил поставить педиатра в тупик, но тот не встал.

– Они – святые почти, аскеты, бомбу делают, собак едят... Вы там были, жили среди них? Ну и не говорите... Но, правда, не слушайте меня, а то вас с работы снимут. Вы где работаете?

– Я... – Косте пока не хотелось «расшифровываться», и он ответил уклончиво, – в средствах массовой информации.

– Точно выгонят, там сплошь антисоветчики... Но вернёмся на Ленинградский проспект, к Бэле, стоим, обнявшись, в коридоре их богатом – книг там, полок множество, тогда богатство книгами, обширностью библиотек исчислялось. Прижалась она ко мне, смотрит умоляюще, не отпускает! А я насилия над собой не терплю, чувствовал какое-то непереносимое насилие. Склоняют меня к чему-то неправильному, заставляют, принуждают... Вырвался из неё, из квартиры, и бегом по лестнице, лифта не вызывал, боялся, что она в кабину за мной увяжется, через ступеньки прыгал, сбежал с четвёртого этажа быстрее лифта... Выскочил из парадного во двор, всё ещё горю весь, но часть дури из головы уже вылетела, и я опять засомневался. Стою один, теперь насилия уже над собой не чувствую, можно сосредоточиться и самому принять трудное решение... Ветер снегом сечёт лицо и голую мою шею – шарф забыл в суматохе. Большой, тёплый, мама моя полгода его вязала, не простит пропажи. Думаю: вот повод вернуться – что я натворил-то, зачем хорошего человека обидел? Он ж как будто с картины возрожденцев, Гирландайо какого-нибудь! Вернуться, что ли? И так вдруг захотелось опять в тепло, к телу этому... За что я её так? Ведь она мне слова любви говорила, что я лучше всех, так близка была... А я ушёл, даже не поцеловав, даже не попрощавшись, ну не скотина ли?.. Вот внимание, Костя, ключевой момент. Момент выбора. Сознательного. Презрение произошло, хочется назад, и не в шарфе дело...

Педиатр встал, сделал большой глоток «пепси-колы». – Но я не сдался, – он так топнул ногой, что утки, плававшие поблизости, шумно бия крыльями по воде, разом взлетели. – Не сдался! А тут как раз мамаша её идёт, очень полная женщина, надо сказать – вот такой Бэлка будет, когда распустится, – пронзило меня. Идёт и ласково так, по-недоброму на меня смотрит, цепко, внимательно. Я с ней поздоровался: здравствуйте, говорю, Анна Федотовна... И до свидания! – Чёрт с ним, с шарфом, чёрт с ними со всеми, мещане, буржуи! Врёшь, не возьмёшь, жалостью к себе решили меня изнасиловать? Не выйдет! И пошёл вон! На Ленинградский проспект, на свободу, за решётку двора их бластного сталинского дома.

Борис Аркадьевич сел и замолк. Полез в свою пластиковую сумку, достал пакетик с бутербродами, предложил Косте. Костя отказался. Один бутерброд с сыром педиатр съел, тщательно пережёвывая, со второго съел только сыр, хлеб стал разламывать на маленькие кусочки и бросать в речку отлетевшим, впрочем, недалеко, уткам. Откуда ни возьмись прилетели ещё и ещё. К ним присоединились голуби с воробьями. Педиатр достал из сумки полбатона белого, стал и его крошить и разбрасывать, водоплавающие вылезали на берег, косолапили к доктору и хватали корочки прямо из его рук. Борис Аркадьевич хлеб бросал и прицельно, чтобы не самым сильным и наглым тоже доставалось. Птиц налетело множество, и борьба между ними за корки хлеба шла яростная. Педиатр ею умело дирижировал, пытаясь накормить всех поровну... Когда хлеб кончился, утки потопали, переваливаясь, к речке, плавали неподалёку – вдруг ещё счастье обломится – видно, педиатр давно их здесь прикармливает. Мелкие крошки доклевывали голуби и воробьи...

– Н-да, всё как у людей... – наконец продолжил педиатр, глядя на уток. – Не знаю, божья это кара была или, наоборот, не божья? Но назавтра я слёг с двусторонней пневмонией. Чуть не помер, кашлял, задыхался, метался в бреду, видел её, укоризненно качающую головой, а

глаза у неё ведь тоже чудесные были, серо-зелёные, чистые, как её кожа... Смотрит она на меня с поволокой и головой качает... Признался в своих противоречивых чувствах другу (навещал он меня), с которым мы как раз и начинали наши самостоятельные разработки, далеко выходящие за рамки простых студенческих рефератов. Я тогда гнойничковыми высыпаниями у младенцев увлёкся, такой простор для исследований... – глаза педиатра загорелись внезапным научно-исследовательским блеском. – Вот и сейчас такие ситуации сплошь и рядом, приезжих много, вода другая, воздух, экология, всё. И вот у младенца температура, сыпь, непонятно отчего. Или гнойники по всему телу. А знаете почему? А потому что мама картошку ела, вот элементарную картошку, а у папы на картошку индивидуальная непереносимость, которая передалась младенцу! Или потому что родители всю жизнь пили, скажем, бакинскую воду, а теперь пришлось перейти на московскую, которая сильно отличается по химическому составу, даже та дорогая, что в пятилитровых банках. Понятно?

– Ничего не понятно, – честно ответил Костя.

– Ну у вас в этом смысле всё хорошо, не буду больше отвлекаться. Так вот друг этот, гад, сказал, что к бабам нельзя относиться по-человечески. «Она траха хочет! Элементарного траха! Для здоровья! Все они по природе своей “бэ”, и грех этим не воспользоваться, тем более Бэлка очевидно соками изошла вся и абсолютно готова к употреблению... И зря ты насчёт женитьбы опасешься, нужен ты им, Абрамович задрипанный, они Бэлке какого-нибудь генеральского сынка найдут с хорошей фамилией». Мне его богопротивные разговоры, недостойные звания комсомольца, ужасно не нравились, но помогли выздороветь и сосредоточиться на той статье, которую я потом блистательно опубликовал в научном журнале, что для студента редкостная удача. Мама говорила, что нельзя останавливаться на достигнутом. Ведь я из простых, без блата поступил и учился без блата. Родители говорили, что всего достигли своими усилиями, ну и я должен. И потому надо было быть на голову выше всех, даже на две, тем более с моей-то фамилией. Ведь все не любят Абрамовича – и одни, и другие: одни просто за фамилию еврейскую, которая на самом деле кровно белорусская, у русских Абрамов, у нас – Абрамович. Другие – за то, что, имея такую замечательную фамилию, ни слова на идише не знаю, самозванец фактически. Папа с фамилией настрадался, мама, так что – работать и работать надо, учиться и учиться... Меня мучило, что я неизвестно на что отвлекался, времени столько потерял на подтягивание, хотя организм, конечно, своё требовал...

«Вот оно как. Он ещё и Абрамович! Супержесть! Редкая удача. Не “Борис с Потылихи”, “А что нам скажет Абрамович?” или “Борис Абрамович сомневается”, рубрик смешных до чёрта можно придумать».

– И всё вроде само собой рассосалось, я выздоровел, пришёл в институт... И стал её избегать. А потом выяснилось, что это не я, а она меня избегает, мало того, ведёт себя так, как будто ничего хорошего между нами не было. Наоборот. Губы её, полные такие, чуть как будто даже припухшие, нежно так очерченные, теперь кривились. Она смотрела на меня с брезгливостью какой-то, досадой, даже презрением. Меня это задело, всё ведь было между нами, слова любви, страстное признание, всё, почти всё. Да если уж начистоту, мог ведь, мог дефлорировать, мог, но пожалел её по неопытности...

Сперва её презрительное равнодушие меня слегка разозлило, а потом так задело, что только о ней и стал думать, представляете? От непонимания и ревности дошло постепенно до страстного чувства, беспрестанно думал о ней. О всех частях тела её, богато одарённого, о бутонах этих сумасшедших, тугих кудрях её горящих, извините, опять я о них... – он замолчал, потом взвился вдруг сокровенным шёпотом, – соски знаете у неё на что были похожи? На цветок! Этот, как его? – педиатр никак не мог вспомнить его название, щёлкал пальцами, энергично хлопал ладонью по колену, по скамейке, отчего прикормленные птицы опять разлетелись в страхе. Снимал и надевал очки, тёр глаза, смотрел на небо, но не вспоминалось.

– Ромашка? – энергично включился Костя.

– Да нет же, этот... – стучал по скамейке педиатр.

– Астра, флокс, одуванчик, пион?

– Ну вы скажете, одуванчик, нет, с женским именем таким, ласковым...

– Неужели маргаритка?

– Да! Правильно, вспомнил! – возрадовался педиатр. – Анютины глазки! Да! Анютины эти глазки её ещё больше, чем глаза, говорили... в свете этом цветном, неверном...

– Я это сравнение в литературе, кажется, где-то читал: анютины глазки с чёрной смородиной вместо зрачка... – поддержал Костя, но педиатр непреклонно продолжал:

– Вы читали, а я своими глазами видел чудо это!

Женское тело – главное чудо природы, особенно если любишь женщину. А я её задним числом полюбил. Страстно. В общем, с ума сходил от возвратного чувства. Ночь раз простоял за решёткой, под окнами её дома на Ленинградском проспекте, в палисаднике этом проклятом. Ноль внимания, фунт презрения, только шарф мне в окно выбросила... Ну не буду тянуть эту позорную резину, скажу сразу, что дружок мой Иудой оказался. Перенял, пока я болел, комсомольское поручение и вместо меня, как выяснилось, стал Бэлу подтягивать и «подтянул». И ведь что, гад, сделал, как-то взял да и рассказал мне со всеми физиологическими подробностями всё, что он с ней делал и что она с ним... Рассказывал специально подробно, чтобы выбить из меня, как он сам говорил, сентиментальные представления о жизни, которая «скользящая штука». И в конце концов признался чистосердечно, что не удержался и лишил-таки её невинности, ржал, скотина, как зарезанный... – у педиатра заблестели глаза, и непонятно было, что он скажет, а главное, сделает в следующую минуту.

– Потому... Потому что никакой невинности обнаружить ему не удалось – до нас люди постарались... говорил, сволочь, что к бабам нельзя по-человечески относиться, а надо потребительски! —...

Тут педиатр вдруг разрыдался, да так горемычно, что Косте в первый раз стало искренно жаль совка. Но озабоченный старик вдруг резко остановился, утёрся носовым платком (тоже из Костиного секонд-хенда), и продолжил, шмыгая, как ребёнок, носом:

– Ах, как он ошибся, бедолага, как ошибся... Так как через пару лет он женился, и именно на ней, и потребительски относиться стала она к нему, а не он к ней. Понукала им, как та крашенная Лолита своим шибздиком. Был вроде меня, подающим надежды студентом, мог бы приличным человеком сделаться, врачом, учёным, но он пошёл с подачи её папаши по скользкой дорожке, по комсомольской линии... Вот удивительно, я в «Ленин-партия-комсомол» верил, а в их руководителей, особенно комсомольских, откреплённых всех этих бездельников – нет. Все, кого знал, сплошь карьеристы. Как говорил мой покойный батя: социализм очень правильный строй, и держится он на сознательности, и в первую очередь – у начальников. Вот у них её как раз и недостаёт... Как в воду глядел. Они и погубили страну, предали, продались, повелись на комфорт и роскошь. Хапнули народного добра, и в Лондон. А что там хорошего в Лондоне? Ничего!

– А вы там были? – стрельнул насмешливым вопросом Костя.

– Я там жил, – убил его педиатр.

5. Добровольцы-комсомольцы

– Ну что Лондон для русского человека? Тоска смертная, неделю-другую походишь с открытым ртом: ну аббатство это Вестминстерское, ну Тауэрский мост, Гайд-парк этот хвалённый и другие парки, то-сё, музеи, ну съездишь в Ливерпуль, поклонись памяти Джорджа и Джона, и всё, дольше тоска. Мне, например, Будапешт, Стокгольм, Прага гораздо больше нравились, не говоря уже о Питере, Самарканде и Тбилиси... Англичанки – те ещё красотки, у них эта покойная Диана – икона стиля. Ну да, миленькая была... Ну правда, в них во всех что-то нечеловеческое в лицах просматривается. Обидно за корону, не лица, а сплошные носы и подбородки, не ноги, а коленные чашечки... Я, конечно, преувеличиваю, но всё познаётся в сравнении. Если хорошенькая на улице встретится, то точно можно по-русски заговаривать. Мулаток, чёрных, жёлтых – ужас сколько. И наших мужиков – всё больше, сплошь бывшие комсомольцы. Я там у одного из них внука новорождённого патронировал, это когда я уже в опалу попал. Значит, дед этот – бывший первый секретарь сибирского какого-то обкома ВЛКСМ. На бриттов, говорил, надейся, а сам не плошай – в общем, врачи у них хорошие, но я лучше, без ложной скромности скажу, и главное – он тоже так считал. Это лет пять назад было, мама моя ещё в силе была, я – тоже ещё не окончательно распался, она ходила в магазины, готовила сама, меня обихаживала и разрешила в логово-то врага полетать. Я тогда безработным был. Сперва он меня, сибиряк этот, на выходные с собой брал, налетался я с ним до тошноты, а потом он уговорил пожить месячишко-другой. Места у него в доме было достаточно... Ну зачем, объясните мне, пяти жильцам двадцать пять комнат в центре Лондона? И сортиров без счёта? Зачем дворец в викторианском стиле? Сука комсомольская, прости Господи. Правда, он мужик хороший, спасал меня; однажды в прямом смысле – от тюрьмы спас. Это было, когда на работе на вашего покорного слугу свалили чужую врачебную ошибку, чтобы не лез не в своё дело. Не мешал людям работать, то есть грабить государство и родителей больных детей, но об этом после как-нибудь... А могли и посадить, и убить, да, да, но я живым ушёл... Спасибо Алексею Ивановичу, вызволил в который раз... Хотя ужас заключается в том, что... я не исключаю, что он-то и был инициатором моего уничтожения, доля у него в том бизнесе была, из-за которого институт наш погорел, – спасло меня то, что я ему понадобился по прямой медицинской надобности... Бог с ними, главное, живым ушёл, а был-то я не хухры-мухры, а замдиректора по научной работе, исполняющим обязанности директора с правом подписи. А остался с волчьим билетом и сроком условным. И – никакой научной работы...

Да, очень хорошо, что вы мне напомнили про Лондон этот. «Я правду вам порасскажу такую, что хуже всякой лжи» – вы упадёте, готовьтесь.

– Не упаду, – твёрдо пообещал Костя, но приготовился. На секунду у него возникло подозрение, что не он намеревается использовать педиатра, а педиатр уже всюю использует его. Во всяком случае, в качестве радиоведущего старик полстанции заткнёт за пояс. Костя старался его больше не прерывать. Поразительно, что и Витька в коляске педиатру не мешал, сопел себе сыночка в две дырочки.

– Эх, молодость, молодость, – усмехнулся педиатр, – дайте воздуха набрать, ох, грехи мои тяжкие, расскажу и в лицах покажу. Итак, «Лондон – наша слава боевая. Лондон – нашей юности полёт». Исполняется впервые, у микрофона Борис Абрамович...

Педиатр встал, поклонился, как артист перед выступлением. Костя в некотором недоумении – как он про микрофон-то? – поощрил его лёгким аплодисментом. Доктор же сел и начал издали.

– Так вот 29 октября, как сейчас помню, юбилей комсомола, из аппарата которого они все, змеёныши, и повылазили – человек пятьдесят в Лондон понаехало бывших функционеров, не говоря уже о тех, что там уже давно обосновались, ну и меня позвали к столу. Здесь,

в России, немыслимо представить, чтобы олигарх педиатра к себе за стол пригласил, а в Лондоне они все – охренительные демократы, практически без охраны ходят, просты, как члены палаты лордов. Облагораживает Англия, бывшие комсомольцы мигом великорусский шовинизм на великобританский поменяли... Внучок у него слабенький был, проблемненький, то есть я не зря приехал, а Алексей Иванович, благодетель мой и палач по совместительству – где он работает сейчас, не скажу, но на высоком полугосударственном посту. Семья – всё время то в Англии, то на Лазурном берегу, так что он вахтовым методом родине служит... И он, кстати, из лучших. Но если лучшие такие, то каковы худшие, вы каждый день по телевизору видите...

Костя хотел немного подискутировать на тему того, кто вцепился в России, но вставить слово не успел.

– Артистов из Москвы привезли, чтобы пели: «ЛЭП-500 не простая линия...», «Наш адрес не дом и не улица, наш адрес Советский Союз...» и тому подобное. Не помню всех исполнителей, они не виноваты, тоже когда-то на съездах ВЛКСМ делегатами были, но они хоть петь умели, и песни были хорошими, Пахмутовой в основном...

У половины – супружницы от советской действительности остались. Задорные, всяко проверенные боевые подруги, у остальных жёны – второго и даже третьего созывов – молодые, модельные, томные, но, как выпьют, тоже хохотушки. Впрочем, многие были без жён. И без мужей. Потом поймёте – почему. В завершение торжественной части концерта пели битлы. Всё, что зе бест. То ли на Пола у них даже вкладчину денег не хватило, то ли побоялись огласки, но нашли местных, очень похожих, которые один в один лабали медляки: «Хей Джуд», «Хи кам зе сан», «Лет ит би»... В общем, Леннон тоже был с нами.

После торжественной части – моментальная смена декораций.

Пир.

Стол, должен заметить, накрыли в герцогском зале, но традиционно в советском стиле. Ломился он от эксклюзива: всё как у нас в самые тяжёлые времена, когда в магазинах вроде ничего нет, а холодильники на праздники всяческими деликатесами забиты. Ну это традиция такая. Дань молодости.

«Да, а сколько в очередях для этого надо было стоять?» – хотел спросить Костя, но не спросил, чтобы не прерывать «концерт».

– Даже портвейн «777» был. Где достали этот экспонат 70-х, не знаю, одна бутылка на всех, по глотку на брата, пригубляли, выплёвывали и плакали. Все упали, когда появилась бутылка «Солнцедара», сумасшедший раритет, капля на вес золота, у какого-то полоумного коллекционера початую напрокат взяли. Только нюхать давали. Если пить – яд, конечно, но запах такие воспоминания навевал, что люди на глазах молодели, время вспоминали, когда они ещё ничего особенно плохого для родины сделать не успели...

Из водочек были «Московская особая», «Столичная», «Экстра», даже «Андроповки» бутылочка нашлась, ну «Зубровка», «Старка», «Перцовка», а также «Ваана Таллин», «Букет Молдавии» и «Рижский бальзам», а на запивку – «Байкал», «Буратино», лимонад, морс... Сигареты реликтовые от «БТ» и «Союз – Апполона» до явской «Явы» и ленинградского «Беломора», на любителя – одеколоны «Шипр», «Тройной», для дам – «Сирень», «Красная Москва», но это – в туалетных комнатах. И там же модные когда-то польские духи: в мужском – «Быть может», в дамском – «Может быть»...

Кавьяр, само собой, только чёрный. Особенно тронула сердца нуворишей паюсная икра, напомнила о детстве, тогда и баночки, и вразвес во всех магазинах она была, икра казалась безумно дорогой – 4 рубля за сто грамм, её только на праздники или для больных покупали. Коньяк настоящий армянский, три звёздочки, и пять, и ОС... Успех сумасшедший имели, вы не поверите, котлеты за шесть копеек – тогда злились, говорили, что в них хлеба больше, чем мяса, но мясо-то было настоящее! Ещё тушёнка тех же лет, реликтовая, она сохранилась в вечной мерзлоте – комсомольцы 70-х вместе с письмом в XXI век замуровали когда-то ящик

с продуктами... Недавно памятник кому-то в Сибири взрывали и под ним обнаружили этот клад. Когда письмо зачитывали, у присутствующего здесь же бывшего второго секретаря горкома, теперь члена совета директоров «Горникеля», истерика случилась. Он же это письмо прочувствованное и писал когда-то: про веру в коммунистические идеалы, социалистическую Родину, советский патриотизм, самоотверженность, бескорыстное служение, верность заветам, мир во всём мире...

И вот письмо дошло.

Ну и синие птицы – курицы то есть, не бройлерные, а натуральные... Чтобы натуральным, как при тоталитаризме, питаться, теперь в России надо поместье иметь, прорву десятин земли, кучу крепостных, чтобы всё своё по старинке выращивать: пшеницу, рожь, овощи (без генов колорадского жука или саранчи), зелень без нитратов, скот рогатый, свиней, птицу, которых тоже натуральным надо кормить... Сейчас народ-то чёрт-те что жрёт, оттого у всех детей аллергия, сыпь и прочие неизлечимые заболевания – натурального на всех не хватает, только на олигархов, правительство и продажные, извините, СМИ... А раньше, когда небо было зеленее, а трава мокрее, – худо-бедно хватало, а если не хочешь, скотина антисоветская, в очереди стоять, то иди на рынок... Но я не беру горбачёвский беспредел, когда саботаж начался, вы доперестроечное время помните, среднебрежневское, домаразменное?

– Нет, но много читал...

– Ерунду читали. Всё, что про то время пишут и по телевизору показывают, наплевать и забыть. Много тогда было плохого, очень много, и очень плохого, и очереди, и дефицит, и хамы-бюрократы, и казнокрады, и цензура, и тоска, и пятилетка в три гроба, но такого, как сейчас, даже представить было невозможно. Однако вернёмся в любезный Лондон, прошу, как говорится, к столу, – всё более воодушевляясь, иногда вставая и энергично жестикулируя, «исполнял» педиатр. – Конечно, подавали лучшее из меню ресторанов: от Дома актёров – капуста гурийская, острая, душистая, и мясо по-суворовски с кровью. Ведущий торжественного мероприятия, он же тамада, говорил, что блюдо это напоминает ему жёсткое порно. От Дома композиторов – жульены из белых грибов, нежные, с хрустящей золотой корочкой; от ЦДЛ – тарталетки с паштетом и сыром; от «Арарата» – бастурма, от «Узбекистана» – плов, лагманы, «Будапешта» – гуляш и почки с мозгами членов Политбюро, – так шутил тамада; «Праги» – торты и пирожные, коктейли «Шам-пань-коблер» – для девушек и «Привет» – для мужчин, как в «Метелице», и мороженое наше, настоящее, молочное, без пальмового масла, а также булки столичные и чёрный хлеб обдирный... Ну правда, гости плакали от благодарности – хозяин в лепешку расшибся, угодил. Устрицы, лобстеры, фуа-гра успехом на этом банкете не пользовались – надоели...

6. Гольдентруш

Почему я всё это запомнил? Не только потому, что память у меня дай бог каждому. А потому что вёл пьянку писатель, этот, как его, одновременно на kota и коршуна похожий, весь с ног до головы мелким бесом поросший, как недельной небритостью, пузатый, как бегемот, а говорит тенором противным...

Костя вдруг встал, но заставил себя сесть и продолжить слушание. Он понял, кого имел в виду педиатр.

– Одет был в пионерскую форму, белый верх, чёрный низ, красный галстук и синяя пилотка. В шортах, при огромном, повторяю, брюхе. Задумка такая режиссёра мероприятия. Тут ведь всё честь по чести, как в старые добрые времена, на торжественных партийных и комсомольских сборах был режиссёр и всё такое. Но ведущий – мастер слова выдающийся, несомненный, первостатейный талант! Очень подробно каждое блюдо живописал, слюнки от его презентаций текли ещё до пригубления. Про сало, символ единения братских славянских народов, практически былинку сложил. О том, как свинья Русь спасла от голода после нашествий разных басурман, потом спел, подлюка, на мотив песни Яна Френкеля и Инны Гофф: «Сало, русское са-а-ало...»

А дальше целое представление началось, дорогой Константин Викторович, нарочно не придумаешь. Ве-душый-пионер назвал это шоу «сальной шуточкой». Взял с только что принесённого блюда, я думал, салфеточку, а это – примороженный лепесток как раз сала в микрон толщиной, наверное, размером с детский носовой платочек, прозрачный, как розовые очки. Это он так сказал – просто сорил метафорами, щедрый, извините за выражение, талант. Держал сало за уголки, нежно помахивал постепенно разворачивающимся нежным платочком, как фокусник: вверх, вниз, в стороны, потом ветродуи заработали, и он его отпустил в свободное парение. И несказанно розовое это с прожилочками, только что оттаявшее чудо летало по залу, как ковер-самолётник, как пух из уст этого... – стал опять стучать по скамейке.

– Эола, – подсказал Костя...

– Да, его, на кого упадёт – тому счастье будет. Тихо стало, только ветерок шумит: ш-ш-ш, как камыши у озера... Под самый потолок платочек поднялся, к люстре, потом ещё выше, к росписям, и, казалось, сейчас прилипнет к фрескам с ветхозаветными сюжетами... Все замерли, настолько эта картинка заворожила – пустяк вроде, шматок сала в воздухе шныряет, но глаз было не отвести. Вдруг вентиляторы разом выключились, и началось «священнодействие» – как сказал этот жирный пионер – «шматочек» опускаться начал. Мужики дули в обе щеки, чтобы повлиять на его парение, лепесток, планировал туда, сюда, опять вверх взмывал. Женщины веерами подмахивали сало к себе. «Битлы» приглашённые запели: «Ай вонт ю, ай вонт ю, ай во-о-онт ю...»

Спланировало оно не куда-нибудь и не на кого-нибудь, а, не поверите, на бюст Карла Маркса. Этот бюст стоял на почётном месте посередине стола, его в самом начале церемонии вручили хозяину дома «За вклад в борьбу с коррупцией», или за вклад в инвестиционную привлекательность, или за какой-то другой вклад, сейчас не помню, но бюст хороший, настоящий, мраморный. Маркс как живой. Его из Москвы привезли, в 1991 году какой-то безвестный мародёр спас его во время разграбления здания МГК КПСС...

Карл Маркс сала сроду не ел, но – шмяк, а облепило именно его лоб, потому, наверное, что вечно живо его учение, – так объяснял это чудо ведущий. Мистика. Все шептали: это знак, это знак... «Знак качества» – поправил пионер, подошёл к бюсту, нежно, чтобы не повредить мраморного основоположника, поддел вилкой «платочек», осторожно поворачивая, намотал его, как блин, на вилку, обмакнул в ткемалевый соус и... Произнёс тост за Лондон, который когда-то в позапрошлом веке приютил великого экономиста, а сейчас гостеприимно распах-

нул двери для сотен тысяч его идейных потомков, «старших экономистов» – ну все оценили шутку. Хлопнул рюмку ледяной «Старки» и отправил вслед за ней этот изысканно нежный рулетик. Тщательно прожевав, нарочно даже почавкав, проследил, прочувствовал, подстанывая, его движение через горло и пищевод в желудок, а потом неудержимо расхрюкался от удовольствия, чем заслужил овацию...

Потом провозгласил лукаво: «Ну-с! Продолжим наше свинство?»

«Нет, педиатр тот ещё артист-приколист, гонит или правду говорит? Впрочем, это не так и важно...» – изумлялся Костя.

– А как писатель кильку живописал и уписывал, как сказочно про питерские рюмочные задвигал, про таллинские и львовские кафешки, про сибирские пельмени, про духаны кавказские, про цвет «Хванчкары» – такие метафоры жизненные запузыривал... Что-то про кровь невинной княжны Мэри – видите, я даже запомнил, да и как такое забыть? Кровь, смешанную с нарзаном... Рассказывал, как некоторые из присутствующих после похорон товарища Брежнева несколько перебрали этого изумительного терпкого напитка и лишились девственности прямо на столе президиума, потом нарзаном пользовались в гигиенических целях... Рассказывал про нравы ресторана Союза кинематографистов, про подвалы Елисейского магазина и бары на последних этажах гостиниц «Москва» и «Россия»... Так всё искусно описывал, что хотелось немедленно совершить государственный переворот и вернуться в проклятое прошлое.

«Артист, гений, браво!» – кричала бывшая главная пионервожатая Урала, яркая такая, очень интересная девушка средних лет с гранатовым ожерельем на шее и скромными брильянтами в серьгах. Она рядом со мной сидела и очень заинтересованно комментировала происходящее. Мне, честно говоря, всё это мероприятие от начала и до конца отвратительным представлялось, но неудобно было уйти, да и, откровенно говоря, интересно ведь на классового врага вблизи посмотреть. А соседке, наоборот, всё очень нравилось, особенно она восхищалась, повторяю, ведущим, который между тем выступал очень двусмысленно, непонятна была его гражданская позиция. С кем он? Чего хотел? С дерьмом смешать комсомольское племя, к которому и сам принадлежал? Или, наоборот, горючей слезой окропить великую эпоху, свидетелями которой все присутствующие были.

Соседка эта нахваливала ведущего тоже довольно двусмысленно: «А ведь он – из наших, председателем совета дружины в Челябинске начинал, худенький был, я его зайчиком называла, а потом в Москву перебрался, всё стихи писал, да так увлечённо, что, бывало, за уши не оттащишь. Обратите внимание, какие у него глаза! Вот сейчас посмотрите. Видите? Добрые... и вместе с тем умные».

Я, честно говоря, увидел обыкновенные пороссячи глазки. Блудливые, хитрые. А она продолжала: «Но в последнее время слишком остро пишет, ну нельзя так, вы смотрели балет по его поэме “Развратная депутатка”? Беспощадно вскрыл нравы, – и, перейдя на совсем секретный, страстно интимный шёпот, – просто раздел мишпуху московскую, всех этих березовских, гусинских, абрамовичей, всю эту публику носатую – но так элегантно, что и не привлечёшь по статье за разжигание национальной розни. А потом на великодержавный шовинизм обрушился... Ничего не боится, бедовый – смерть. Поклонники к его юбилею мемориальную доску к забору прибили, уникальную, прижизненную: «С 1993 года здесь проживает Гейне».

«Не Гейне, а гений», – хотел поправить Костя педиатра, так как сам принимал участие в установке этой доски, но педиатру это не обязательно знать. «Но как, чёрт, жжёт...»

– То есть тётка эта от ведущего просто с ума сходила, намекала, что у ней с им что-то было, жаловалась только, что стал он на деньги слишком падок; нельзя так, не надо было ему сегодня пионером вырядаться, но таковы, видимо, условия контракта – так проведение юбилейного торжества видел его режиссёр, мальчик какой-то из Большого театра, модный очень... Как же его фамилия-то?

– Мальчика не знаю и знать не хочу, а писатель – Кондрат Лупанов, – тихо сказал Костя.

– Да, правильно, – удивился Борис Аркадьевич, – я вспомнил, ему говорили: лупи, лупи, Кондрат, только не залупайся, и ржали: га-га-га... А вы откуда про него знаете? – загрустил вдруг педиатр оттого, что его нечаянный эксклюзив слегка попалился, и с детской обидой поверх очков посмотрел на Костю. – Я вас там не припомню.

– Просто догадался, не обращайтесь внимания, продолжайте, Эдвард Радзинский, и?

– Никогда меня так не обзывайте, в старину меня в шутку называли Ираклием Андрониковым, и я не обижался, – отметил а прогос педиатр, – вы его, конечно, не застали, а это был выдающийся мастер устного рассказа, имитировал голоса великих людей, сейчас таких нет... Но продолжаю. Момент такой запомнился, он в зал кричит: «В борьбе за тело Коммунистической партии будьте готовы!» Ему в ответ визжат жены второго и третьего созывов: «Всегда готовы!», а он недоволен, дескать, плохо кричите, неискренно, не готовы. Опять скандирует: «В борьбе за тело... будьте готовы!», они уже вместе со «старыми большевичками» визжат отчаянно: «Всегда готовы!» А он: «Не верю!» Ещё и ещё раз, и наконец – барабанная дробь, и к нему идёт с хлеб-солью шикарная такая пионерка, кровь с молоком, в мини-юбке и, представьте, на фигурных коньках, и говорит глубоким контральто, как в «Необыкновенном концерте» театра Образцова, с некоторой даже угрозой: «Я готова... Всегда». А хлеба, которые «пионерка» вынесла, после того как «пионер» с них пионерский галстук сдёрнул, грудями её оказались, огромными, выложенными на поднос караваемы... «И в этом соль» – со значением сказал ведущий, и «хлеба» расцеловал подробно и смачно. И все тотчас стали салютовать ему пионерским приветствием. В общем, до апофеоза довёл собрание сукин сын, добился, чтобы правильно бабы честь ему отдавали... Про «хлеб-соль» потом доскажу, были ведь ещё и «танцы на льду»...

И вот что, дорогой Константин Викторович, и смешно, и грустно было. Она, соседка моя, которая всё откровенничала на ухо и кадрила меня нещадно, потом настойчиво стала про Владислава Юрьевича какого-то расспрашивать, как будто я его, конечно, хорошо знаю... А я знать не знаю никакого Владислава Юрьевича. И тогда она спрашивает меня в некотором недоумении, но всё ещё кокетливо: «А кто же вы, прекрасный рыцарь? От какой организации такой импозантный пэр? Ну я представляюсь: «Абрамович, – говорю, – Борис Аркадьевич...»

Она, знаете, в лице очень сильно переменялась, то есть совсем как раз не переменялась, а застыла, замерла, только глаза норовили с лица ускользнуть. Была такая боевая тётка, разбитная, свойская, и вдруг – ужас, страшные метания то в пот, то в лёд, столько перемен за короткое время. Рюмку водки хлопнула – не помогает, только моргает и дышит неровно. На шее гранатов видно не стало совсем – так она залиловела, жилы вздулись, сейчас лопнут... Откашливалась долго и вдруг спокойно и твёрдо заявила: «Роман Аркадьевич – для меня пример во многом, если не сказать, что во всём. Я и Борису Абрамычу – вон он в правом углу сидит, – и Михаилу Борисовичу, и другим товарищам, которые в других местах сидят, втайне сочувствую, а вообще, если честно, этот народ, этот... – Она закинула голову и посмотрела с уважением на потолок, где Моисей вёл длинную вереницу в светлое будущее. – Всё они основали: и христианство, и банковскую систему, и марксизм с фрейдизмом, интернет. А комсомол-то наш родной кто организовывал? Открыть вам страшную тайну? Настоящую фамилию Лупанова? Уж я-то знаю, да я одна это и знаю, я ему в своё время и посоветовала на мамину фамилию перейти, – а так он – Гольдентрупп, да, да, Савелий Гольдентрупп... У меня ведь тоже проблемы с великодержавным шовинизмом были, настрадалась. Ну скажите, как руководить пионерией Урала с фамилией Таги-заде? Председатели советов дружин смеялись, как только не обзывались, черти. Пришлось мне Краснопёровой, как мама моя, сделаться – папа очень обижался, до сих пор простить не может... – Она и смеётся, и плачет, в глазах её готовность загладить вину любой ценой, любой и тотчас же. – Простите меня, пожалуйста, убедительно прошу, – искренно говорила, с болью, как будто на пленуме политические ошибки при-

знавала, – если что-то не то сказала... всё сделаю, искуплю... – и вдруг как будто всхлипнула всем телом. – Люблю я вашего брата... – А в заключение, отдышавшись, аккуратно промокнув платочком глаза, чтобы не нарушить макияж, поинтересовалась: – Роман-то Аркадьевич зайдёт сегодня?..»

Мне её жалко стало, я говорю: «Да не брат он мне и не сват, белорус я, врач...» Она, зараза номенклатурная, теперь вся белая сделалась. Во-первых, это – оскорбление, её, недавно выигравшую конкурс «Мисс Неувядаемость России», члена совета по делам СНГ в ранге заместителя министра, посадили рядом с каким-то докторишкой?! Во-вторых, она ему, мне то есть, уже наговорила столько лишнего и интимного, что просто кошмарный ужас. Да, сама виновата, за другого приняла, обмишурилась, нюх потеряла, думала, что я владелец «Башнабаш-кредита», который за минуту до её прихода со мной местами поменялся, а тут какой-то непонятный тип, ничтожество, челядь, доктор, белорус...

Она стала такая высокомерная, недоступная, смертельно оскорблённая, обманутая в лучших чувствах, как будто в темноте не тому, простите, дала. «Врач? – спрашивает. – Но от кого?» «От бога, – говорю честно, – внука Алексея Ивановича, хозяина нашего, в настоящее время курирую, и не только его. Педиатр я, диагност. Я и взрослых пользую. Могу и вас, так сказать... Например, готов заявить твёрдо, дорогая Людмила Руслановна... – ну пошёл в атаку со злости, шепчу ей в бриллиантовые уши, – вы зря нервничаете, всё у вас хорошо, вы ещё родить сумеете... – А у меня действительно визуально сложилось впечатление, ну сорок пять ягодке, не больше... Да, бабушка уже, но всё ещё может, муж её уже ничего не может, потому что умер, а она может всё, она для жизни ещё настезь распахнута... «Да, я на всё способная, – страшно шепнула в ответ Людмила Руслановна и улыбнулась мне с огромным облегчением, благодарно, многообещающе, вы даже себе представить не можете как... Конечно, она за прошедшие минуты страшно перенервничала, а теперь ведь гора с плеч. Завершилось всё тем, что мы с ней на брудершафт выпили... Женщина, должен вам заметить, Константин Викторович, уникальная; исключительно брудершафт исполняет... Извините, я несколько от темы уклонился... – потупился вдруг раскрасневшийся педиатр.

– Ну и чёрт с ней, – твёрдо отвечал Костя, – с темой!

Вы – не Радзинский, не Иракий, вы – хуже, вы – сатир, вы...

– Не надо лести, – прервал комплименты педиатр, – в общем, развёл всех этот гений Лупанов-Гольдентрупп на искренность воспоминаний и размышлений, все расслабились, и никто никого уже почти не стеснялся, как на нудистском пляже. Всё нараспашку – чего стыдиться, и так все знают, что друг на друге пробы ставить негде.

Вот ведь прошли путь какой, из грязи да в пэры практически, а все из простых, из народа, самых рабоче-крестьянских низов, партийных и торговых работников – а как простому смертному в гору подняться, если он ни на что, кроме как на подлость, не способен? В партии куда труднее было пробиваться, там нужно было «на земле вырасти», производством поруководить, план перевыполнить, рационализаторов воспитать, авторитет заработать... А эти – все проститутки, особенно мужики. Нет, не все, конечно, мой-то сибиряк Алексей Иванович физик, доктор технических наук. Его партия на комсомол бросила, так как невооружённым глазом в конце 70-х было видно, что идейных среди них мало осталось, сплошные карьеристы и приспособленцы.

А он был идейным, на чём мы с ним и сошлись в своё время. Заставили его, сломали фактически, а окружение доломало, вот он и скурвился отчасти, всё видел ведь, понимал, куда страна катится, но... Жена, дети, дача, машина, что же, против течения плыть, погибать, как порядочные? Нет, надо вырывать в струю, чёрт бы её подрал, семью спасать, чтобы не только не потонуть, а на поверхности, на гребне оказаться и не сильно об окружающее дерьмо испачкаться, потому он вовремя в ФСБ и свинтил, а потом в бизнес... И вот теперь все они – в Лондоне. Временно, конечно: чужбина, тоска по родине, но надо же детям-внукам образова-

ние дать и родителей на тот свет достойно отправить... Могли ли они себе представить, когда вступали в комсомол, что окажутся здесь, в рыцарском зале, в такой непомерной роскоши? Что у половины не «москвичи» служебные, а самолёты персональные будут?..

– Прекратите, Борис Аркадьевич, среди бывших комсомольцев я знаю как минимум пять человек замечательных, благородных людей и вовсе не нуворишей. Кроме того знаю и одного нувориша, честного, благородного человека...

– Я знаю ещё одного и даже двух, – убрал Костю педиатр, – но запомнились почему-то эти...

7. Апофеоз

Гольдентрупп очень к месту торжественно зачитал справочку, скромненькую такую: «Журнал “Форбс” подсчитал по нашей просьбе суммарный капитал собравшихся здесь товарищей... Он, господа, в несколько раз превышает бюджет министерств культуры, образования и здравоохранения России и ещё нескольких министерств вместе взятых. И потому прошу вас: “Три раза вертикально, один раз – горизонтально, ура, ура, ура, ур-р-ра!” Все дисциплинированно и мощно проуракали. А пионер продолжал жечь: «Социализм мы строили?» – Все кричат: «Да, строили!» Он: «И построили! Капитализм строили?» – «Строили!» – «И построили! Скажут феодализм построить, мы и феодализм построим! А рабовладельческий строй потянем?» Народ хохочет: «Маленько подучиться надо...»

Плясали летку-енку, твист, шейк – подпрыгивали, ногами размахивали, старые пердуны... Рок-н-ролл фигачили, вспоминали, как в своё время со стилигами, тунейдцами боролись, помоложе – как хиппарей в подъездах отлавливали, фарцовщиков у гостиниц грабили... Писатель этот в коротких штанишках матерные разоблачительные частушки исполнял на заказ задорным тенором. И все тостующие наряду с несомненными достижениями, о которых они с гордостью докладывали, обязательно рассказывали какую-нибудь похабень из жизни комсомольского актива.

– Какой же вы, оказывается, злой, Борис Аркадьевич, – нехорошо улыбался Костя.

– Да, и память у меня очень хорошая, – продолжал «концерт» старый педиатр. – Видео на экран вывели – кажется, Парфёнов для них расстарался или Дибров... Но не важно – фильм про молодость их и свершения... Официальные кадры из запасов Госфильмофонда вперемежку с любительскими из частных архивов: съезды, ударные стройки, шашлычки на даче второго секретаря, горящие глаза на линейке, щёки бурильщиков, вымазанные нефтью, голые заплывы в Пицунде, золотая пшеница в чёрных ладонях комбайнёра, танцы на столах в Пахре...

Очень живо всё это обсуждалось.

– Смотрите, как Жора на Тяжельникова смотрит!

Учитесь, как надо смотреть в рот начальству...

– Вон – я, а это кто за Пастуховым?..

– Эдик, тебе не стыдно – со знаменем, а еле на ногах держишься, скотина...

– А это мы на Байконуре, и той же самой компанией в Коктебеле, но уже не с Георгием Гречко, а с Крисом Кельми...

– Эльбрус, лиц не узнать, зачем мы так напились на Приюте Одиннадцати?..

– Я! Вон – в шахте, чёрный, как чёрт, насмерть перепуганный, километр под землёй, чуть концы не отдал от клаустрофобии, тогда поклялся больше никогда Донбасс не инспектировать...

– А это мы с Оганесовым в Афганистане практически под пулями цены на дублёнки сбиваем...

– 80-й год, похороны Высоцкого, вон Кушнир, я и Воронин сдерживаем слёзы в олимпийском оцеплении...

– Опаньки, Ходор, смотрите-ка, как живой, с топором, блин, плотничает, а вот уже и без топора МЕНА-ТЕП варганит.

– С кубинскими товарищами на фестивале в Пхеньяне, они нам талдычат про то, что предатели ведут СССР к распаду, а мы не поддаёмся на провокации...

Первые центры научно-технического творчества молодёжи, комсомольские кооперативы, банки, биржи, конкурсы красоты, массовое движение в валютную проституцию, сов-

местные предприятия с империалистами, смычка интеллигенции с бандитизмом, организация неорганизованной преступности...

- Ах, какой Эльвира Николаевна на последнем съезде была, кстати, где она сейчас?
- В Штатах.
- А Володька её?
- Помер.
- А Рустам?
- Убили.
- А Гришка?
- Повесился.
- А второй Володька?
- Тоже. Всех, всех мужей похоронила...

Когда показывали кадры, как Дзержинского свергали с одноимённой площади, многие старые комсомолки всхлипывали. Низвергался главный фаллический символ великой эпохи... Первая защита Белого дома, вторая, наши – и там, и там... Наконец на первый план выходить стали лучшие, талантливейшие: Лис с Чубайсом, Ходор уже рядом с Ельциным, киндер-сюрприз во главе правительства, кто бы мог подумать, да вот поди ж ты... В финале, максимально усиленный динамиками, угрожал залу трагический тенор Градского: «Ничто на земле не проходит бесследно, и память ушедшая всё же бессмертна...» Закончился фильм цитатой из Горбачёва: «Главное, товарищи, чему мы научились, это – говорить!..»

Дали свет в зале. Никаких аплодисментов. Платки и слёзы.

Так-то, Костенька, вот какой контрапункт с оксюмороном учинили в разгар веселья Парфенов с Дибровым, молотки – тоже из наших, как и большинство телемагнатов, впрочем... Выпили, не чокаясь, в память о безвременно ушедших. От пуль бандитских, водки, ВИЧ-инфекции, межнациональных конфликтов, голода, тоски по родине, сокрытия общака...

«Ну что? Покойники ведь любили пошутить! Продолжим наш внеочередной пленум? – возжёт костёр ностальгии огромный пузатый пионер. – Человечество, смеясь, расстаётся со своим прошлым... и? И?» – Гольдентрупп требовал продолжения марксовой цитаты. «...Прошлым, настоящим и будущим!» – звонко отрапортовала, процитировав любимого классика, Людмила Руслановна. А расцеловала почему-то меня.

До неприличного ржання довёл ведущий публику, зачитывая наиболее смешные места из «переписки с друзьями», то есть из доносов на присутствующих, но фамилии авторов, чтобы не ссорить гостей, не называл. Впрочем, и так все знали – бывшие секретари то и дело грозили друг другу пальчиками...

Пили за Ленина, чтобы его из Мавзолея вынесли и выполнили наконец волю покойного, но чтобы сделали это, когда народ созреет. За Иосифа Виссарионовича. Стоя, молча. Чтобы он, не дай Бог, не воскрес. За Владимира Владимировича – тоже, чтобы жил долго...

Гольдентрупп так подводил тостующих к обобщениям, такими алавердами обкладывал, что неподготовленному человеку ничего понять было уже нельзя, сплошные намёки на грядущие перестановки в правительстве, но народ ржал и в ладоши хлопал. И пил, поминая...

Леонида Ильича. «Эх, если бы он вовремя выдвинул на первые роли ленинградца Романа, мы бы здесь с вами не сидели, сидели бы не здесь... За Горбачёва пили дважды: один раз за здоровье, другой, чтобы... ну не буду повторять, хотя с их бесчеловечным тостом я был абсолютно согласен – жестокий, противоречивый народ эта комса... За Чубайса тоже поголовно выпили, хриstopродавцы. И вот что поразило, Костя, там же смертельные политические враги сидели, как-то своими глазами видел, как двое из присутствующих плевали друг в друга во время теледискуссии, но здесь обнимались и целовались – комсомольская юность, шалости и проделки тех лет всех объединили, сексуальная ориентация, знаете ли, сильнее политической. А когда хозяин предложил в моём лице выпить за советскую медицину, тут я и учудил...

– То есть? – не поверил Костя.

– Знаете, посмотрел в их морды поганые – ни одного приличного лица, все приличные из них перемерли уже, или в забвении, или на строжайшей диете свой жизненный срок доживают – а эти мордатые живут и жируют. Чувствую – сорвусь сейчас. Передо мной ведь те, которые с выгодой для себя великую страну прокакали. И выступил с тостом от имени рядовых членов партии, которые на комсомольские стройки ездили, что возводили на Ангаре Братскую ГЭС, прочёл оттуда несколько хлёстких строк, заткнул рот вашему Кондрату, который меня пытался поправить, поддеть, как будто я не знаю наизусть стихов этого предателя Евтушенко... Говорил про атомную станцию в Чернобыле, как её строили, а потом самоотверженно дезактивировали, про землетрясение в Спитаке, про воинов-афганцев, брошенных на произвол судьбы...

Начал спокойно. Товарищи, говорю, бывшие референты, инструктора, открепленные секретари и сволочи! – они: ха-ха-ха, Зоценко, браво, браво, чистый Зоценко... Я: что ж вы родину-то продали так дешево? – ребром поставил вопрос. Гольдентрупп этот хотел свести меня в шутку, дезавуировать: нет, дескать, не дешево. А они всё смеются: нет, нет, правду говорит Зоценко, продешевили мы, можно было бы и подороже продать... Думают, я им пародист, Цекало с Ургантом, приглашенная фигуристка с сиськами, шутить с ними буду. Тихонько алебарду-то со стены из рыцарского уголка вынул, подкрался к президиуму, и её герцогским-то острым концом – хрясь в застольный морёный дуб!..

А сам на стол – вздрог! Заскочил в гнев. Стою, опершись на это орудие пыток.

Послушайте, – говорю, глядя на них свысока, – голос трудового народа. Я на БАМ трижды ездил, чтобы наладить родовспоможение, а вы чем в это время занимались? Простые комсомольцы и ээки Уралмаш строили, газопровод Уренгой – Помары – Ужгород, Норильск, а вы их продали, предали и скупили за бесценок. Мы из-за вас провалились в XIX век. Только без царя на троне и в голове... В общем, кончил речь пожеланием, которое тут же стал претворять в жизнь, то есть в смерть. Посуду топтал, морды их сытые ногами разбивал, в кровь, всласть. Они же без секьюрити здесь, как дети малые, некому мобильник подать, совсем беззащитные. Из охраны во дворце – только мажордом в шотландской юбке да мулатки-официантки в пионерских галстуках и школьных передничках вместо юбок, какой с них толк? Не смогли они меня повязать, руки коротки! Я алебардой-то британской давай этим держимордам животы вспарывать.

Если бы вы видели, как Лупанов сдулся! Жир из него вытек весь, и разом он в мальчика худенького превратился, зайчонка, каким и начинал свою творческую деятельность в постели старших товарищей. И так все они перед смертью стали в себя приходиться, в молодых и безгрешных. И тут нанятые битлы меня поддержали, почувствовали момент и жажнули «Марсельезу», то есть «Ол ю нид из лав»... Отчаянно и самоотверженно защищали своих мужей только жёны первого созыва, и их я миловал за супружескую верность. Нашлись ренегаты, которые отказались от компрадорщины и согласились вернуться на патриотические позиции, они молили о пощаде, ввали, что цель поездки – не дальнейшая распродажа родины, а присоединение Британии к союзу Россия – Белоруссия. Жёны второго и следующих созывов сразу ко мне переметнулись, говорили: Зоценко, родненький, возьми нас с собой, смотри, чего мы умеем, а мы всё умеем. И стриптиз начали показывать массовый...

Костя чуть было не свалился со скамейки от внезапно подступившего приступа хохота, и чем более он себя сдерживал, тем более не мог отдышаться, пришлось даже присесть на корточки.

– Не могу... Врёт и не краснеет, всё врёт...

– Нет, не всё, – не сбавлял оборотов вдохновенный «Иракий», – кстати, я предупреждал, что вы упадёте... Да, здесь приврал немного для красоты, желаемое за действительное выдал, но только здесь, – невозможно гнул свою линию коварный педиатр, – хотя вы правы, конечно,

сказал тост, как все. То, что нужно, – стыдно до сих пор – ура, да здравствуйте, благодарствуйте, чего изволите. А всё остальное – правда. Кстати, стриптиз – был, «Мисс член ЦК» выбирали же, проводили конкурсы танца, красоты, очарования и бутылочку крутили... Победила Джуди Лебедько, негритосочка американская, супруга одного из бывших руководителей одесского обкома, ныне выдающегося политолога... В общем, что называется, славно посидели. Незабываем был танец пионера Гольдентруппа с чёрной пантерой из третьего созыва. Она, Лебедько эта, вся полуголая, от природы хорошо танцевала, а пионер в стриптизе своём просто изумил. Очень подвижным оказался жирный боров, я бы даже сказал, вёртким. Мало того, что пишет – зачитаешься, говорит – заслушаешься, но и танцует – засмотришься, несмотря на всю его бессовестную полноту...

– Бред, бред, бред... Ну не Гольдентрупп Лупанов, не Гольдентрупп, – перешёл на полный серьёз Костя, – это Дима Быков – Зильбертруд, а Лупанов по отцу – Золотарь, Зо-ло-тарь, а по матери он – да, Лупанов. Ну как, правда, русскому писателю быть с фамилией Золотарь, элементарно дурно пахнет, или Зильбертруд, или Гангнус, как Евтушенко?.. И родился он не в Челябинске, а в Рыбинске, на берегу Волги, я его лично знаю, всё вы врёте. Мужик он отличный, хотя дом его на Рублёвке действительно называют малахитовой шкатулкой...

Педиатр вдруг встал навтыжку и отрешённо устремился вдаль, взором в сторону Мосфильмовской. Глубоко вздохнул, и на щеках его вновь образовались слёзы.

– Знаете, Константин Викторович, я – пожилой человек, жизнь моя фактически, чего уж там, кончена. Да, понятно, я теперь ничтожный педиатр-надомник, опустившийся человек, полусотенные за визит сшибаю... – говоря эти жалостные слова, он всё более расправлял плечи и смотрелся уже совсем не жалким. Проснулось в нём что-то, чего раньше Костя не замечал. – И если я какие-то факты перепутал, прибавил что-то от себя, сгустил или, как вы выразились, соврал... Если что-то помнится мне не так, как бы вам хотелось, то, видит Бог, я не виноват, но тем не менее прошу меня простить... – и отдал поклон.

Он был так трогательно беззащитен и величественен одновременно, что Костя, отрянувшись от прибрежной пыли, смешанной с песком, обнял педиатра, который в данный момент ростом оказался чуть выше Кости, чего раньше тоже не было. Костя уже не мог относиться к педиатру как только к объекту для использования радиостанцией, как к чужому человеку.

– Ну что вы, Борис Аркадьевич, что вы?

– Ведь я, Константин Викторович, извините, доктор, кандидат медицинских наук, ещё десять лет назад огромным коллективом фактически руководил... Я с себя ответственности за то, что произошло со страной и со мной, не снимаю, но, видит Бог, я боролся до последнего...

– Борис Аркадьевич, я просто хотел уточнить некоторые детали. Мне очень интересно, обещаю, что я больше не буду смеяться и прерывать вас, это вы меня простите, вы – выдающийся придумщик, то есть рассказчик, не обижайтесь... Вы, часом, не пишете в свободное от работы время?

– Вы прекрасно знаете, чем я сейчас занимаюсь в свободное от работы время. Раньше писал немного... – признался вдруг педиатр и махнул рукой. – Публиковал фразы в «Литературной газете», в клубе «12 стульев», встречался с самим Арканом и другими медиками-литераторами, они очень хвалили мои «рога и копыта»... Но ещё в перестройку, – он отхлебнул из своей бутылки, – завязал с литературой, от работы отвлекало, но иногда баловал друзей, которых теперь у меня, кроме вас, ни одного не осталось, своими устными рассказами... Писал, а теперь не пишу! Слишком много писателей вышло из медицинских работников, слишком много вреда они Отечеству моему принесли...

– Вреда?

– Да, вреда! И не только медики...

«Это тема для большого цикла передач», – автоматически отметил про себя Костя.

Педиатр сделал ещё один большой глоток, сел, недовольно посопел, но продолжил, постепенно изживая обиду, даже как будто подпитавшись ею.

– То был далеко не единственный раут, на котором мне довелось присутствовать, скольких я их там повидал, мерзавцев... Не счесть, были среди них и очень приличные люди, но в предлагаемых обстоятельствах и они выглядели абсолютными подонками. Если мне не изменяет память, то в тот раз наутро гости опохмелялись тоже по-советски, завтра же – понедельник, все должны с утра пораньше в Москву на работу лететь. Поразил Гольдентрупп, или, если вам угодно, Лупа-нов... Вчера он отработывал квартирку в пригороде Лондона – как в пылу ночных откровений мне призналась Людмила Руслановна, – таков был его гонорар за ведение мероприятия...

Костя, услышав про гонорар, удивлённо поднял брови, но педиатр неправильно понял его немой вопрос.

– Она – замечательная женщина, впрямь какая-то неувядаемая, вечная, юная – горячая смесь кавказской запальчивости с казацко-яицким гостеприимством – ненасытности и самоотвержения. Мы расстались только под утро. «Ещё не вечер, – сказала она мне, еле живому, на прощанье и добавила: – На таких, как ты, Боря, душой отдыхаешь...»

Кстати, насчёт Гольдентруппа она с меня клятву взяла, что дальше нашего интима эта фамилия никуда не пойдёт. Извини, Людмила Руслановна, пошла, но вы правильно делаете, что мне не верите, Костя. А ваш Лупанов на похмельном завтраке, начавшемся только часа в два дня, оказался очень милым человеком, домашним, совсем не такой циничной тварью, как на вчерашнем приёме, кажется, даже несколько устыдился своих давешних выкрутасов.

– Я охреневаю, – сказал Костя. Он действительно пребывал в состоянии крайнего недомогания. Не верил, конечно, но и верил.

– Это ваше дело. Кроме того, Лупанов этот – писатель ведь, властитель дум, нравственный авторитет, орденносец, председатель комитета по ельцинской премии... Его же могли, в конце концов, заснять на порновидео и потом показать общественности, жене, детям, впрочем, о чём это я? Жена присутствовала на этой части мероприятия и больше всех аплодировала... Да, время такое сейчас, если гадость какую-нибудь головокружительную не сделаешь, то о тебе ни одна скотина не узнает... А жена его такая вся беленькая, очень милой женщиной оказалась и о-очень тоже полной. Как и политолог Лебедько, который нам сейчас важнее, чем лупановская жена. Он был похож на одетое в костюм огромное очищенное от скорлупы яйцо, сваренное в мешочек, такой же белый, лысый и трепещуще-нежный – кажется, чуть тронь его иголкой, и сразу истечёт весь... Теперь вёл стол он, умиротворял, потихоньку лекцию прочитал о международном положении, о внутреннем тоже, о курсах акций, о волатильности на рынке, про деривативы всё рассказал, а потом пошёл между столиков и... запел. Да как!

Педиатр вдруг встал в позу и... рванул из Римского-Корсакова несвойственным ему тенором: «Не счесть алмазов в каменных пещерах, не счесть жемчужин в море полудённом...»

Костя беспокойно оглянулся по сторонам: не идут ли люди, не проснулся ли ребёнок? Однако педиатр песню индийского гостя, слава Богу, быстро прикончил.

«Проблема с ним будет не в том, чтобы разговорить, а в том, чтоб остановить», – решил Костя.

8. Березовский

– Нет, у меня, как у него, никогда не получится... – расстроился педиатр. – Слушайте другое, сейчас вдруг вспомнил, расскажу, пока не забыл. Про Бэээ, Березовского, он присутствовал на мероприятии. Тихо-скромно, в качестве, если так можно выразиться, наблюдателя, без права решающего голоса. В своё время в большие комсомольцы и партийцы выбиться не смог, так что сидел на отшибе – незваный гость, просто пришёл по-английски, без приглашения воздухом родины подышать. Соскучился по русскому духу, плакал и хохотал в тех же местах, что и все. Так вот меня к нему подвели, представили, мы обменялись рукопожатиями, визитками, выпили на брудершафт, перешли на «ты», и я послал его на...

Я тогда из русских врачей в Лондоне был самым модным педиатром. Меня представляли как загадку:

Борис, но не Березовский, Абрамович, но не Роман, педиатр, но не педофил – фишка такая, я и вправду одно время был там просто нарасхват. И вот Бэээ, как не только я его называл, очень почему-то полюбил со мной болтать. Он на «ты» со всеми, перенял эту демократическую манеру у Мстислава Леопольдовича Ростроповича, который с каждым новым знакомым пил на брудершафт, трижды по-русски челомкался и тотчас просил послать его на х...

Так вот он любил со мной выпивать. И слушать мои устные рассказы. Я, как он сам говорил, заряжал его энергией. А он меня спаивал и добился, как видите, в этом деле больших успехов. Так вот Бэээ особенно любил слушать, как я ему говорю то, что на самом деле думаю. Все же врут или говорят то, что он хочет услышать, а я резал правду-матку, и это его забавляло. И не только.

Особенно ему было приятно слушать то, что я конкретно о нём думаю, хотя он знал, что о нём я думаю очень плохо. «Ну давай, давай ещё!» – провоцировал он, я долго отказывался. Ну действительно, тебя пригласили в гости, поят, кормят, а ты говоришь хозяину в лицо всё, что ты о нём думаешь, – не по-русски это как-то, не по-людски. А он умолял, уговаривал всю всю подноготную гадость вывалить на него без стеснения. Ну и удалось ему меня раскрутить, разозлить, и я ему как-то и выдаю: «Боря, прости, конечно, но ты полный удак!» Я, конечно, похожее слово на букву «м» употребил.

Искренно, от души, с оттяжкой ему засадил и жду реакции, а он... Вы его вблизи видели?

– Н-нет, – ответил потрясённый Костя.

– Как же? Если Гольдентруппа знаете, так вы и Бэээ должны знать. Одна шайка-лейка.

– Нет, знаю, конечно, но лично не знаком.

– Так вот, как вы знаете, он маленького роста, но очень шустрый и плотный. Без шеи, нет её у него, разве что чуть-чуть, и потому такое впечатление, что он всё время нахохленный, и у него манера такая была – бегать по кабинету, очень неусидчивый, волчок такой, юла. Во всяком случае, так со мной он себя вёл. И как все профессора, пришедшие в бизнес из науки, разговаривает он почти исключительно матом. Так вот он остановился довольный, хохотнул и просит ещё. А сам быстро ходит вокруг да около. Я ему: «Ну что я ещё могу добавить, Боря? Ну дерьмо ты, вор и, откровенно говоря, мразь... – ну и все другие слова, какие знал, с чувством, с толком, с расстановкой. Сказал, и мне необыкновенно легко сделалось. Поймал его взгляд, всё время убегающий, и точно в зрачок ему пульнул. – К тому же ты лох, хорёк! И внешность у тебя хорьковая, и душа...» В общем, я говорил с удовольствием, а он на ходу с удовольствием – странным, конечно – слушал и, казалось, соглашался. Но через какое-то время удовольствие его заканчивалось, он садился, наливал мне на посошок, на ход ноги, стремленную, закурганную, благодарил и приказывал транспортировать меня домой, к Алексею Ивановичу. То есть туда, где мы с его супругой, которая, в отличие от мужа, жила постоянно в Лондоне, коротали

вечера в замке. Вспоминали былое, пили всякую всячину, смотрели «РТР-Планету», ругали наше телевидение, правительство, в общем, тосковали по родине...

– И всё? – спросил подозрительно Костя.

– В каком смысле, – не понял педиатр, – а, вот вы что имеете в виду. Как вам не стыдно, Константин Викторович? Жена друга для меня не женщина, как вы могли такое подумать?.. И вот Бэээ вскоре соскучивался по мне и опять зазывал, машину за мной присылал, встречал у ворот поместья, всё бегал и слушал, как я его оскорбляю. Фильм как раз вышел «Олигарх», где роль Бэээ сыграл Машков, и я хохотал: «Ну ты там, Боря, красавчик, уссаться можно, как я раньше не обращал внимания, что Машков так на тебя похож. И ещё ты, оказывается, с младых ногтей правозащитник, бескорыстный борец за свободу, мать её. Кремлеборец! Но, смотря правде в глаза, не Сахаров ты, и даже не Буковский, нет, жулик ты рядовой, – прилагательное «рядовой» его явно задело, и он сказал: «Хорошо, хорошо, давай, дожимай, Борух!» Я дожимаю:

«Ты – Бендер обыкновенный, Боря, комбинатор, ком-би-на-тор, ты же не за свободу, скотина, боролся, а за денежные знаки, приспособленец ты обыкновенный, сволочь. Вспомни, как ты в своё время в партию-то коммунистическую вступить хотел? Извивался аж! И пролез-таки, чего ты этого в кино-то своём не отобразил? На хрена тебе эта партия нужна была, профессор, ты ж человеком был, прикладной топологией занимался, ну не урод?» Он вдруг бежит вон из кабинета и возвращается довольный с партбилетом и показывает, сколько взносов платил: «Не сжёл, не сжёл, храню, как зеницу, в укромном месте, ну скажи, скажи ещё, что ты об этом думаешь? Ну давай, жги, жги!».

Но я уже всё, кажется, сказал, чего лишнего-то на человека наговаривать. Тогда он опять убегает и возвращается с электронным портфолио, показывает мне свой донжуанский список с фотками невинных барышень, которых он совратил, и приговаривает: «Не Машков, говоришь, не Машков, да у меня баб было больше, чем у Машкова и Пушкина Александра Сергеевича вместе взятых, вот смотри, одна лучше другой! О Русь моя, жена моя, всю тебя перепахал...» – и показывает свою фотосессию. Я ему: «Ну не подонок ли, как тебя земля носит? С кем ты себя сравниваешь? Чем ты хвастаешься? Настоящий мужчина всё это в глубине души хранит, а ты показываешь, ведь ни одна из них тебя, уroda, не любила. Ни одна!» – «Любили, врешь, в самые ответственные моменты очень даже любили, а потом мне это и не нужно было, для большой любви у меня жена есть». Я не верю: «Ведь всё за деньги, за деньги, ты из них проституток делал. Убить тебя мало, тебя и Листермана!»

Он остановился радостно: «А ты убей, убей, сможешь, а? – и в глаза смотрит. – Нет, не сможешь, не сможешь, кишка тонка, тонка... Скажи, вот ты лично смог бы меня шлёпнуть, как Ворошилов Тухачевского, а? В затылок, как Будённый Якира?»

Очень серьёзно спросил.

– И что вы ответили? – Костя чувствовал себя не в своей тарелке.

– Я призадумался и говорю с огорчением: «Я бы с удовольствием, но мне нельзя, я – врач, клятву Гиппократова давал, мне больных людей убивать нельзя. А там ясно сказано: “Не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла; точно так же я не вручу никакой женщине абортивного пессария”. Нет, прости, не проси, мне нельзя». Он чокается за моё здоровье и говорит: «А я бы ни секунды, ни секунды не сомневался. Хороший ты человек, цельный, есть в тебе нравственный императив. Давай я тебя в ЦК КПРФ определю, ты член КПРФ?» «Нет, я был и остаюсь членом КПСС». – «Эх, глупая твоя башка, КПСС уже давно нет... А знаешь, что партию нашу погубило? Трагедия её в том, что из-за государственного антисемитизма я не смог стать её генеральным секретарём! Я бы железной рукой порядок навёл. КПСС во главе со своим долбаным руководством погрязла в этом, как его, в гуманизме и гедонизме, не осталось людей, которые могли бы убивать, да, убивать собственноручно, и не боялись бы быть убитыми. И отстоять страну. Людей у вас не

осталось, не я лох, а ты, страна лохов и придурков, я ничего не боюсь, мне нет преград, нет, – он сделал победный круг, остановился и продолжил: – Пуго, благородный человек, я его знал, лично знал и уважал. Он застрелился, себя и жену застрелил. А почему не Ельцина с Руцким? ГКЧП развалился, потому что жертв испугались, трусы! Да, а Борис Николаевич – нет, когда надо было, ничего не побоялся, великий человек, реформатор, убивать не боялся, за это его и уважали...» – сказал и убежал.

«Презирали! – закричал я ему вслед и побежал за ним, никак не мог догнать – очень уж он швыдкий, – ненавидели! Предатель он!» «Нет – герой, реформатор, смельчак, а Пуго вместо того, чтобы взять власть в свои руки, взял и застрелился, трус».

«Да его убили, – говорю, – как и Ахромеева, как и Рохлина, ты и убил, но всё чужими руками, скотина!» Он, убегая, кричит: «Да, да, именно чужими, сколько я сам могу? А вы много можете, за штуку фунтов друг друга перережете, лохосранцы. Плохо, очень плохо, необидительно меня обижаешь, давай, давай, проснись, Борух, ну что же ты...» – и остановился. И догнал я его наконец.

Смотрю сверху вниз, и он пыливо – снизу вверх.

Хочу вмазать, а рука не поднимается, всё-таки он – хозяин дома, я – врач. Он и говорит: «Слабак ты, импотент, не можешь, ничего не можешь, и весь советский народ такой, трусоватый. Плохо ты меня ругаешь, скучно мне с тобой, – и опять побежал, а перед тем попросил: – Ну хотя бы обзови меня жидовской мордой!» Я за ним в бешенстве: «Нет, Боря, не дождёшься. Не проси, не могу, я русский интернационалист, империалист, мне нельзя до этого опускаться. Скажу только, что позорный ты человек! Вот академики Зельдович, Харитон, Гуревич, который МИГи делал, физик Абрам Иоффе, несть числа... Сколько они пользы Отечеству принесли, а ты – только вред». Он: «Нет, не больно, не смешно, они в другой исторической обстановке жили, а сейчас были бы как я... Не можешь, не можешь за живое зацепить». Я: «Ведь ты вчера ещё ногой двери в Кремле открывал, а в итоге в лондонской заднице сидишь, ты – позор библейского народа, Каин ты, Боря, тебя презирает всё прогрессивное человечество!» Он вдруг обрадовался, остановился и захохотал: «Каин, вот хорошо, теплее, молодец, давай то же самое, только голосом Путина исполни!»

Ну я исполнил, потом продолжил, наступая на самую большую его мозоль, уже своим голосом: «Ну как же тебя, полудурка, развели. Тебя и Гуся, друга твоего лапчатого. Думали, умнее всех на свете? Хрена! И кто развёл? Мальчишка, паренёк из подворотни, которого ты же только что в президенты толкнул, ну не дурила ты после всего этого? Не лопух?» Он кивает, растерянно улыбаясь, соглашается: «Да, да, лопух». «Народ ему наш не нравится, а твой каков? Ромка твой? Ты его из грязи вытащил, за ручку в Кремль привёл, а он тебя же при первой возможности кинул и обкорнал, как липку. Знаешь почему?» – «Почему, почему?» – сверкая глазами, спрашивает Бэээ, садясь в кресло.

«Ты знаешь ответ... – я сделал большую паузу и вдарил, чтобы он не встал. – Потому что ты debil!» Он застыл, как будто ему в поясницу что-то вступило, и... опустил на сиденье изнемождённо: «Вот хорошо, вот сейчас хорошо сказал, молодец. Ведь можешь, когда захочешь. Спасибо, тронул, Борух, достал, пошёл вон, давай на посошок...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.